

**Иван Васильевич Шмелев
Александр Юрьевич Шмелев
История села Мотовилово.
Тетрадь 10 (1927 г.)**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48475543

SelfPub; 2019

Аннотация

Более 50 лет Шмелев Иван Васильевич писал роман о истории родного села. Иван Васильевич начинает свое повествование с 20-х годов двадцатого века и подробнейшим образом описывает достопримечательности родного села, деревенский крестьянский быт, соседей и родственников, события и природу родного края. Роман поражает простотой изложения, безграничной любовью к своей родине и врождённым чувством достоинства русского крестьянина.

Содержание

Рождество. Святки	5
Сватовство. Женитьба Саньки Лунькина	13
В Нижний Новгород. За самоваром	17
Представление. Ваня Дубровский	26
Великий пост. Санька и книжки	37
Весна – сев. Санька и Наташка	52
Пожар на Бутырке. Сев	64
Стройка Крестьяниновых. Семион. Пустынь	67
Ванька на пашне. Один в поле	83
Панька. Курение	94
Новый дом Крестьяниновых. Заботы Анны	99
Возка навоза. Дождь и ураган	103
Уполномоченные Савельев и Ершов	113

Часть вторая

Тетрадь № 10 (1927 г.)

Рождество. Святки

Наступил 1927 год. Зима. Кончалась пора Никольских морозов. Стужа несколько смягкла. Деревья на улице покрылись инеем, сделавшись нарядными, словно в сказке. Снежинки, освещенные солнцем, отражая солнечные лучи, блестя играли всеми цветами радуги. В ночь на новый год погода разбуянилась, запуржило: снегу намело до самой повети. А к утру небо несколько повьяснилось. На мутном небе появилась бледная луна, вокруг ее большое, светлое кольцо (по народным наблюдениям) предвещающее стужу. На рассвете совсем выведрило; в беспредельной глубине синего неба, появились звезды – горохом рассыпавшись по всему небесному куполу. Начинались рождественские холода, беспощадно давя на землю.

В Рождество, у Савельевых в верхней комнате, за семейным чаепитием с душистыми кренделями и медом, Любовь Михайловна, для своих детей продекламовала запомнившийся ей еще с детства, рождественский стишок.

– В детстве, когда я училась в девичьей школе: – сказала она, – мы всем классом после христаславления пели так: «По небу, полуночи ангел летел, и тихо божественно песню он пел: Слава вышних богу и на земли мир, в человецех благоволение! Алилуя! Алилуя! Алилуя!

– А я в детстве, помню, пела: «Маленький птенчик, при-

нес Христу венчик. Христа величает, в дудочку играет. Где Христос родился, там рай отворился!» – стараясь, подражать, по-детски, тонюсеньким голоском, пропела бабушка Евлинья внося, в общую, семейную, морально-нравственную и поучительную беседу, свою лепту.

Под воздействием, этих благочестивых песенок, у детишек, еще выше поднялось праздничное настроение. Они с большим вниманием прослушали их, а Ванька прекратив пить чай, даже рот разинул от пристального внимания к пению матери и бабушки. Пристально слушали и Ванька с Володькой. Даже полуторагодовалый Никитка и тот присмирив перестал капризничать, просясь на руки к матери.

Не успела семья вылезти из-за стола как к ним в дом пожаловала Анна Гуляева.

– Здорово ли живете! Чай да сахар! – поприветствовала она хозяев дома.

– Поди-ка добро пожаловать! Садись к нам чай пить! – пригласил гостью к чаепитию Василий Ефимович.

– Нет, спасибо! Сейчас только дома чаевничала, – соврала она.

– Вы что, за покупками-то идете? – обратилась она.

– За какими покупками? Куда? – недоуменно и с удивлением спросил Василий.

– Как куда? В новую лавочку!

– В какую лавочку? – спросила и Любовь Михайловна.

– Вы, дома сидите, и видно ничего не слышите! Чай, вон в

Грунькиной мазанке: Крисламовы-Рыбачковы торговую лавку открыли. И, больно много всякого, местного товару в неё навозили.

– А мы и не слышали. Вот и понимай! Совсем рядом, а кабы не ты, мы бы и не знали, – высказал удивление Василий.

– Ну вот, я вам пришла известить! – с угодливостью встрепенулась Анна.

– Уж больно она у нее мала, мазанка-то, и как только в ней разместилась всякая всячина? – усомнился Василий Ефимович.

– Вам бают! Всего навезено полным-полно! – уверяла Анна. – Я уж там была и кое к чему приценилась. Только вот, купить-то пока у меня не на что. Лавочка открылась, можно сказать у меня прямо под носом, да в нее не сходить, да ничего не купить, это порок для меня! – заискивающе лебезила Анна. – Ты, Василий Ефимович, не выручи ли меня трёшенкой денег? – в ноги брякнусь, весь век не забуду, отплачу!

– Кланяйся в ноги, положим, не надо, это ни к чему, без кланянья выручу! – посулил Василий Анне денег и открыл свой заветный сундучок с деньгами. Он вынул оттуда, трехрублевую зеленую бумажку и хрустя ею меж пальцев улыбаясь подал ее Анне.

– Вот спасибо, вот спасибо за выручку, – смеясь и кланяясь всем станом затараторила Анна. – Теперь я пойду и накуплю чего моя душа желает.

Место где стоит Грунькина мазанка ходовое – на пере-

крестке двух улиц. К этому месту примыкают три многолюдные улицы: Главная, Слобода и Кужадониha. По замыслу Крисламовых, это ходовое место будет способствовать их бойкой торговле и много принесет дохода и барыша. По улицам села, круглый год, продавали с возов всякие товары: горшки-крынки, гребни-бёрда. То и знай, горланили: «Ведрa починить!», «бабье делай трепье!», «Телят палых, кошек собак, нет ли!» Ходили коновалы. Дегтярники орали: «Дегтю! Дегтю!», другие: «Луку, Вишни, Яблоков!», «Масла, ПатокИ, Свиной, рыбы, воблы!» Насмотрелись на это Крисламовы и решили заняться торговлей, местными товарами. Не смотря на малые размеры мазанки, товару к открытию было завезено действительно много. На изготовленных полках были размещены: белый хлеб (каравай руками сожмешь, а он снова, как пружина выпрямится), конфетки, пряники, семечки, орехи, рыба и отменная колбаса. За прилавком торговал Алексей, а брат его Иван занимался вопросами доставки товаров. На крыше мазанки виднелась, невзрачная небольших размеров вывеска: «Бакалейная лавка М. Ф. Крисламова».

Во второй день Рождества, в день начала святок, Санька Савельев тоже посетил вновь открывшуюся лавку. Он попросил Алексея, взвесить ему для пробы колбасы пятьдесят грамм.

– Эх много! – удивились люди стоявшие в лавке и смотрели пока не покупая, прицениваясь, приглядывались к то-

вару. – Разве, ты съестолько то сразу съешь?

А когда увидели, что продавец подает Саньке совсем небольшой кусочек колбасы, все снова пришли в удивление. – Эх, маленький кусочек-то! А я думал, пятьдесят грамм целая кокурка! Таких-то кусочков, я с десятков съем и не помянется! – высказался в счет Санькиной покупки, присутствующий тут Мишка Жирный Терехин и выказав этим свой аппетит (незаурядный).

Давно Санька Савельев, намеривался себе гармонь приобрести. В этот день он сходил в Верижки и там за сходную цену (за 16 руб.) у мастера по починке гармоней Ваяки, купил гармонь четырехпланку. Сразу же, он принялся разучивать играть песни. Больше всего ему задавалась песня «Златые горы».

– Где это ты, такую диковинку поддеконил? – спросил его сосед Серега Федотов.

– В Веригино сходил, там и приобрел! – ответил ему Санька. – Уже на святки, к девкам, в кельи пойдем с ней! Играть, забавлять музыкой девок будем! – восторженно пообещал Санька.

Вечером придя в келью, к девкам, Санька долго продувал свою гармонь оберегая ее от быстрого перехода температуры от уличного холода к избному теплу.

– Сань, а ты сыграй нам чего-нибудь на гармошке-то! – первой из девок, обратилась с просьбой Наташка Статинкова.

– От холода, руки, что-то, не маячат, а гармонь сама не гармонирует! – с присущим, гармонистам, зазнайством, ответил ей Санька, продолжал, нарочисто долго продувать гармонь, выжидая когда его, сыграть, попросят вторично.

– А чего вам сыграть-то? – наконец спросил Санька, закончив продувку гармони.

– Ну хотя-бы «Златые горы». И он начал играть.

– Саньк! – дай-ка гармонь-то, я вальс девкам-то сыграю, – попросил у Саньки товарищ Андрей Садов, видя, что Санька еще плохо научился играть. Андрюшка умело лавируя гармонью начал играть вальс «Дунайские волны».

– Как плохо нот негде достать, а то бы я, по нотам-то, быстро играть выучился! – прогудел над ухом Андрея Санька.

– А я, вот, совсем не понимаю, в этих нотах, и совсем не знаю. Что есть там за до-ре-ми-фи-лья, – в тон этого замысловатого изречения перебористо игранул на гармони Андрей, – а вот играть, на гармони, как видишь без нот научился!

– Талант! Его за деньги не купишь! – с завистью отозвался Санька, принимая с плеча Андрея ремень гармони, и снова наигрывая «Златые горы».

Издrevле так повелось, что на святках молодежь вольно себя ведут: девки поют песни – припевают женихов, любезничают и пользуясь отсутствием глаз взрослых целуются с женихами. Пары же, на святках, особенно развязано себя ведут: здесь полый разгул вольности, фольклора, фокусов, во-

обще анархия; кто во что горазд. Санька Шеварушка, оказался ни только развязанным озорником, но он оказался большим забавником и фокусником. К удивлению всех присутствующих, он в келье к полу приморозил чугунок, который, такой силач, как Мишка Жирный, и то не смог отодрать от пола. Санька при помощи ножа и лучинки, подвесил к столу ведро с водой; завязал узел на ремне; развязал замысловато узелок на веревочке; напускал «гусей» в рукав, простовато-недогадливому парню Ваньке.

А под конец показа своего искусства, Санька затеял драку. Дело в том, что Санька и Колька, ухлыстывая за одной девочкой оказались соперниками из-за нее, тороча ее себе в невесты. Поэтому -то, Санька подойдя вплотную к Кольке вызывающе, тронул его пальцем по носу. Колька, не отреагировав на этот вызов промолчал, продолжая спокойно сидеть на месте. Саньке не унялось: он вторично подошел к Кольке и ладонью дерзко хлопнул его по щеке, нахально проговорив при этом: «А ты, субъект, как сюда попал!». Колька снова терпеливо промолчал, но предупредительно заметил: «Я думаю, третьего удара не последует». Эти слова на Саньку подействовали отрезвляюще, он в Кольке почувствовал сильного и непокорного врага. Пока, Санька, встав с табуретки, перебранивался с Колькой, кто-то убрал из-под него табуретку. Санька пятясь назад хотел снова сесть, но сиденье-то убрано и он раскоряченно грохнулся на пол. В келье грянул взрыв веселого смеха, который не в меру обозлил Саньку. Раздра-

женный этим, Санька силком втолкнул соперника Кольку на улицу, на ходу подсучивая рукава, готовя руки к драке.

– Саньк, смотри, так и знай, тебе несдобровать! Отуськает тебя Колька! – предупредительно унимали распетушившегося Саньку. Выйдя на улицу, они подрались, взаимно помяв и испятнав друг друга. Особенно, досталось Саньке – его бока оказались в синяках, а лицо в багровых подтеках. Санька затаив злобу, решил отомстить Кольке при подходящем моменте, не в зависимости от давности.

Сватовство. Женидьба Саньки Луныкина

В Святки, многие парни стараются и пожениться; благо на святках выбор невест неограничен – ходи по кельям и выбирай себе невесту, которая тебе нравится и сватай её. Парни, себе выбирают невесту по разным признакам: который выбирает самую красивую, который работающую, а некоторые подбирают себе под стать веселую, или песенницу. Наташкина артель девок не умела песни петь. Гуляя по улице они пробовали спеть, но у них никак не получалось: запоют, а потом вразной заборонят, кто в лес, кто по дрова. И частенько им в след кричали: «Не песню поете, а целину бороните! – Бороны!» На что, девки не сердились, а только озорно расхохотавывались.

Содержательницу девичьей кельи, бабушку Гуляеву, мужики и бабы, часто упрекали: «Вот, это Булалейка, устроила у себя в дому притон девок с парнями! Они у нее там вольничают, того гляди, беда какая стрясётся. По всем ночам шалберничают! Дрова, на протопление воруют!» – со злостью к Анне, наговаривали мужики. Но Анна на злобную критику почти не обращала никакого внимания, продолжая вертеться среди девок, перекипая в сутолоке и суматохе веселившейся молодежи.

Санька Лунькин, имея от роду двадцать восемь лет, а это считается уже преклонный возраст для парня-жениха, решил все-же жениться. Имея упитанное тело, невероятную силу, он только и знал по зимам и летам точил каталки, азартно тушил пожары, да занимался чтением книг. Женский вопрос у него на заднем плане.

Но как ни говори, природа сказывается на каждом живом человеке, и своё требует. Толи от чрезмерного чтения толи, от неприкосновения к женскому полу, у Саньки, люди стали наблюдать, что «ум за разум заходит» и ему бабы порекомендовали жениться. Свахой вызвалась Анна Гуляева. Она в купе с другой бабой Настасьей, согласились подыскать Саньке невесту: по годам ровню и по наружности чтобы была под стать. В поисках невесты обходя Кельи, они с улицы через стекла окон, выбирали невесту для Саньки. Они, одну девку, совсем-было хотели предложить Саньке, но как увидели на стекле тень обличия ее лица, они ее тут же забраковали, потому, что ее лицо на стекле окна неприглядно вырисовывалось наподобие овечьей морды. Тень не человечья, а овечья – не пойдет!

В одной келье, свахи все же подобрали Саньке подходящую невесту Нюрку. После некоторого отнекивания, свахи все-же уломали, уговорили ее и она согласилась. Санька, дома поджидая свях, с результатами сватни, сидел за столом. Он увлеченно читал толщенную книгу, с напряжением тараща глаза, на слабо освещенные, пятилинейной лампой, стра-

ницы. Кошка, прыгнув с печи, блаженно потянувшись, подошла к ногам Саньки и потершись о них, прося поесть замыкала, напоминая этим, что пора поужинать. Свахи, с подобранной Саньке невестой, пришли в тот момент, когда он собрался ужинать, положив ложки и чашку с похлебкой на стол.

– Ну, Санька! Мы тебе невесту подобрали и ведем! Не невеста, а ком золота! – еще с порога возвестила Саньку Анна.

– Долго выбирали, а все-же подобрали! – вставила свое слово и Настасья. – Обошли пять келий. Много в них невест, а все не подходящие! – одна, как овца, другу, как курная лестница, третья, как коровье седло, а одна и понравилась было нам, но сидит насуплена, как свиное ненастье! – расхваливала осмотренных невест Анна Гуляева. – А уже вот Анюта, всем взяла! Хоть на лицо-то, она и не совсем приглядчива, за то титьки большие и телом пышна! Есть во, что было бы чем! Расправляя новый сарафан и разглядывая на своих ногах, тоже, новые лапти, усаживаясь на сундук, из которого слышался писк зашебутившихся, мышей блаженно улыбаясь проговорила Анна.

– Да я и сам не остарок какой! Жених, что надо! – прихвальный себя и Санька. А Настасья, зная Саньку и невесту, про которую по селу ходил порочащий ее слухок, что ее, как будто, из-за угла, мучным мешком напугали, и что у нее в голове не все дома! И зная, что она просроченно засиде-

лась в девках, так, что отец частенько стал обличенно упрекать ее, что много хлеба ест и навозу много производит, стала наговаривать на ухо, нахваливать невесте Анюте, жениха Саньку. – Ложки после обеда, мыть не будешь: тараканы с мухами их обгложут, за дровами тебе ходить не придется – полена сами в тебя полетят, а за водой тоже, тебе ходить не придется – слез хватит!

– Ты чего там мурчишь? Как на килы наговариваешь! – улыбаясь, не вытерпев, заметил Настасье Санька.

– Тебя невесте нахваливаю, – невозмутимо ответила Настасья. – В общем живите дружно, как хрен с лаптем!

В Нижний Новгород. За самоваром

– Пойду, в потребилку схожу! Там бают, привезли всего много! – суетно отыскивая в шкафу кошелек, проговорил Василий Ефимович.

– Смотри не пропади! Ребятишки ужинать просят! – предупредила его Любовь Михайловна.

– Ужинайте без меня. Я после поем! – отозвался он, бурча себе под нос. – И куда подевался кошелек? Вы чай, куда-нибудь его захотили, – бранил он ребятишек.

В потребительской лавке народу битком. Кто чего покупает, кто к чему приценяясь приглядывается.

– Митрий, чай, подай мне, ведро конное, ать у нас поганое прохунилось. Ребятишки нассат в него и лужа по всему полу, – упрашивал приказчика Кузьма Оглоблин.

– А мне бы, лампу десятилинейную с пузырем подал, – попросил Митрия, Василий Ефимович, глядя на лампы с нарядно красивыми кругами, увешанные весь потолок лавки. А дома, семья Савельевых усаживалась за стол ужинать.

– Это кто сумничал! Каравай весь иковырзакали, и почти весь поискрошили? – обратилась мать к детям собирая на стол. Ребятишки присмиренно молчали, виновник не подал виду о своей проделке. – Тогда сидите и ждите. Я к Стефаниде за хлебом схожу, займы возьму. Пока, Стефанида за неимением безмена, на ухвате взвешивала хлебный каравай,

Любовь Михайловна, жаловалась: «Вчера у меня на семью такой жрун напал! Еле накормила! А нынче, Санька украдкой от семьи с двух кринок сметану слизал! Вот самовольный проказник!» Заглазно ругала Саньку мать... Хлеб принесен – принялась за ужин. На стол подали жирные мясные щи. Ребятишки дружно защелкав ложками громко прихлебывая принялись за щи.

– Не ворызгайте как свиньи! – унимал Санька меньших своих братьев, которые забывчиво, едя громко причавкивали.

– А вы не больно чавкайте! – унимала братишек и Манька, подкладывая кусок мяса в ложку снохе. – Эт Володька лячкает проговорил Васька, – стараясь подцепить в чашке кусок мяса, который побольше.

– Дохлебывайте щи-то! Я картошку подам, – проговорила мать, не успевшая почерпнуть из чашки ни одного кусочка мяса. – Натe, доешьте вчерашнюю картошку, а то, я ее свиньям отдам! – предложила мать детям. Санька зачерпнув ложкой картошку поднес ко рту – заморщился.

– Это не картошка, а какая-то кислятина, душа не принимает. От нее только икота, да изжога будет! – забраковал картошку Санька.

– Тогда, придется свиньям отнести! Какая жалость, – сокрушилась мать.

– Ну тогда я вам сразу кашу подам: сначала пшеничную, а потом дикушную, – сказала она семье. Все, дружно, приня-

лись за кашу.

– Доскабливайте кашу-то, я лапшу подам. Заканчивайте с лапшой-то, я на стол яишниц поставлю!

Из лавки, Василий Ефимович пришел с покупкой. Он держал в руках новую, нарядно- раскрашенную, десятилинейную лампу и связку кренделей. Санька с Минькой тут же, налив в лампу керосина, обновляя зажгли ее, подвесив на крючок к потолку. Лампу «молнию» Савельевы зажигали только по большим праздникам (много керосина жрет), а эта хорошо осветив верхнюю комнату, тоже ярко горела, заменив семилинейку.

– Ты ужинать будешь? Или самовар поставить, с кренделями, чай пить будем? Селёдину разрежем? – предложила Любовь Михайловна

– Ставьте самовар-то! Чаевничайте, а я есть хочу, – с недовольством возразил Василий Ефимович.

– Ну тогда в чулане ищи, чего найдешь и ешь!

Семья ушла в верхнюю комнату: пить чай, а он остался в исподней, стал ужинать. Недоглодав мосол, он бросил его под стол. Кошка поспешно бросилась к мослу, гложя, шумно катала его по полу.

– Садись, после ужина, выпей чайку! – предложила Любовь Михайловна, Василию Ефимовичу, вылезавшему по лестнице из исподней избы в верхнюю горницу.

– Я квасу набуздаялся. Разве одну чашечку, за семейную компанию. Налейте-ка мне, да забелите погуще! Уж боль-

но я не люблю пустую воду то хлебать, а с молоком то: туда –сюда! – полусхотливо проговорил отец семейства. Ванька услужливо налил отцу большую чашку чая. Эх, а пожалуй, у нас Самовар то мал стал! Семья растет прибавляется, а самовар всего полведра! Пожалуй надо новый покупать. Возьмем, да завтра и пыхнем с тобой Ваньк, в Нижний Новгород за самоваром да еще кое-чего, там закупи! – сказал отец, о его намерении купить новый самовар.

– Пап, возьми и меня в Нижний-то! – попросилась в город Васька.

– Нет Вась, не возьму. Во первых это далеко, а во вторых, ты еще мал: замерзнешь. Вишь на улице-то какой холодище! – отговаривал Ваську Отец.

– А Ванька-то тоже озябнет! – не унимался Васька.

– Нет он постарше тебя и в дорогу-то полушубок оденет, а у тебя полушубка-то ведь нет!

– Вы ведь по-машине поедите, а в ней наверно тепло! – навязчиво не отступал Васька.

– В вагоне-то тепло, а там все равно, надо из вагона-то на мороз вылезать, – как взрослому доказывал отец Ваське. – Мы с тобой летом поедем в Нижний-то.

На другой день отец с Ванькой уже сидели в вагоне поезда и ехали в Нижний Новгород. Ванька чувствовал себя героем – он впервые едет по поезду, да еще в губернский город. Не отходя от окна вагона, с большим интересом поглядывал Ванька на заснеженные просторы полей и лесов, стре-

нительно убежавших назад. Ваньке причудливым казалось, то явление: ближние деревья леса, убежали назад, а отделенные, мельтешась, как-то странно передвигаясь вперед, а потом они оказывались позади мчащегося поезда. Доехавши до станции Суроватиха поезд остановился. Около самих вагонов поживаясь, от сильного мороза, с ноги на ногу толпились торговки с молоком.

– Молочка горяченького! Стаканчик молочка! – предлагая пассажирам горячее молоко. До Нижнего Новгорода ехали долго, часов пять. Всю дорогу Ванька смотрел в окно. Где-то около Станции Кудьмы, в вагон в котором ехали Ванька с отцом, вошел ревизор. Старикашка в очках и форме. Он, с большой прилежностью и тщательностью, проверял у пассажиров проездные билеты. Проказливо заглядывая на полки и под сиденья: нет ли там скрывающихся «зайцев». Очередь дошла и до Савельевых. Василий Ефимович, вынув из кармана на себя полный билет и на Ваньку четверть билета, предъявил их ревизору.

– Почему, на парня, ты взял четверть билета, а не пол билета? – строго спросил ревизор Ванькиного отца.

– Да он еще совсем маленький! – смиренно проговорил отец Ваньки.

– А сколько ему годков-то?! – допытывался ревизор, наметанным глазом видя, что Ванька совсем не малыш.

– Восемь годов, девятый! – робко протянул отец. – В первом классе учится! – стараясь словами уменьшить возраст

Ваньки, доказывал отец ревизору.

– А ну-ка, паренек, встань-ка! – полуприказал, ревизор Ваньке, который к этому времени, присмиренно сидел на лавке вагона. Ванька повинуюсь, нехотя стал вставать, стараясь неразгибаться во весь рост, чтоб умалить свой рост и тем самым оберечь отца от нежелательного штрафа, который может нанести денежный урон отцову кошельку.

– Этому, мальчугану не восемь, а все десять годов будет! – убийственно изрек ревизор. Он своим наметанным глазом, почти правильно определил возраст Ваньки, ошибившись только на год. В действительности Ваньке пошел двенадцатый год. По приезду в Нижний, Василия Ефимовича с Ванькой отвели в служебное помещение вокзала, где стали писать, акт на предмет наложения штрафа. Свой адрес, Василий Ефимович сказал почти правильный, а вот фамилию свою не выдал, а назвался «Зайцевым», нарочито ввёл в заблуждение железнодорожное начальство. Чтоб избежать урона в деньгах. По городу Отец с Ванькой, ходили пешком, заглядывая почти во все магазины и лавки. Мимо их с грохотом, мелькая искрами из под дуг, то и дело проносились трамваи. Ваньке сильно хотелось прокатиться на трамвае, но он не смел попросить об этом отца, и с разинутым ртом, с восхищением посматривал на огромные, кирпичные городские дома и другие невидали, которые видит впервые. Самовар, они купили почти сходу, зайдя в большой магазин вблизи «Скобы». Уплатив за сверкающий серебром, ведер-

ный Самовар 23 рубля, отец Ваньки, упробил продавца, оставить его в магазине, чтоб не таскаться с самоваром по городу. Обернув в бумагу и увязав шпагатом, продавец услужливо, поставил самовар под прилавок, написав на нем фамилию купившего – Савельев! С Нижней части города Ванька с Отцом так же пешком перебрались в верхнюю его часть. Там диковин для Ваньки оказалось еще больше. Во-первых, его взору представилась вывеска, с затейливым и заманчивым призывом: «Стоп! Зайди в низок, купи фрукт!».

Отец с Ванькой ночевали на подворье «Дома Крестьянина», но и тут неувязка: у отца Ваньки, не оказалось с собой никаких документов. Поэтому, какой-то тип, видимо служащий и ведущий ночлегом приезжих в город, не представил им места для ночлега и грозился выслать из «Дома Крестьянина», но дело обошлось благополучно и они переночевали спокойно и удобно. Накупив чего нужно, и зайдя в магазин за самоваром, отец с Ванькой направились на Ромодановский вокзал и сев на поезд поехали обратно домой.

По приезде домой, первым делом, вся семья обступила стоявший на столе, новый, блестящий никелем огромный и солидный самовар. Любовь Михайловна тут-же заставила Саньку, «поставить» самовар, налив в него целое ведро воды. Самовар разожгли, угли дружно принялись, краснотой виднелись сквозь решетки. «Эх и сапог для раздувания не спонадобился», – сказал Санька. Самовар долго назреваясь рдел, молчал, а потом зашумел словно паровоз под парами.

Вокруг поставленного на стол самовара расселась вся семья, даже бабушка Евлинья примостившись на краешке дивана восхищалась красотой нового самовара. Не меньше ее, самоваром, любовался и сам Василий Ефимович. Ему вспомнилось как он, будучи еще парнем-подростком, бегал с товарищами глядеть как горит керосиновая лампа и как “ставят” самовар, впервые появившиеся, эти две диковинные вещи на селе у попа. Разбавив крутой кипяток, холодной водой до необжигаемости губ, он принялся пить чай, не употребляя заварки. Семья обновляла покупку.

– Ну вот и самовар семейный добротный нажили! Теперь пейте, чаевничайте! Наслаждайтесь! – проговорил он семье, сам не имея особой прилежности к чаепитию. Тем временем, самовар попищал, металлически позвенел и заглох.

– Вот одним, мне не нравится Самовар! Хороший, а “молчун”. Я люблю когда самовар на столе распевает на все голоса. Да еще, я заметил за ним дефект: когда отвертываешь кран – сцит как-то в сторону! – слегка охаяв самовар, высказался хозяин.

– За то за один “постав”, без подогревания вся семья чая из него напьется и вкус из него хорош, – хвалебно высказалась о самоваре хозяйка. А Санька с Ванькой; с большим интересом взглядывались в фигуристую, зеркально блестящую поверхность самовара, почти в плотную уткнув свои косы в пышущие жаром его бока.

– Ваньк, гляди, где крупно написано на самоваре “ТПЗ”,

означающие:” Тульский патронный завод”, – сказал Санька.

– А вот они эти три большие буквы, – указывая пальцем, показал Ванька на выгравленную заводскую метку на самоваре поверх крана. – А ты Саньк, найди на нем где написаны пять букв: РСФСР?

– А вот они, – указал Санька, на буквы расположенные вокруг марки.

Семья, чаще чем старый, красной меди самовар, стали, ставить новый и частенько засиживались за чаепитием, что не в меру раздражало Василия Ефимовича. Он частенько с руганью обрушивался на семью, глядя, как все кроме его подолгу рассаживают за столом и в дело, и в не дело, как казалось ему, наслаждаются чаем.

– А вы скорее расчаевнивайте, скорее суслите! Только понапрасну время ведете, да красин понапрасну палите! То подолгу разобедывают, то чаевничают! Эх вы чаевники! Себе на грех только купил самовар-то! – неотступно брюзжал он на семью.

– Не даст в сласть попить! – упрекая его за это, ворчала мать.

Представление. Ваня Дубровский

У дороги, около Федотовой мазанки, обитой кругом листовым железом, толпится народ: читают какое-то объявление, приклеенное к наружной стене. Ванька Савельев, не счел одеться и на деть шапку, поспешил туда же. На стене мазанки наклеена большая афиша с обшарпанной программой показа искусства силача Вани Дубровского, который приехал в Мотовилово и в избе-читальне он будет показывать свое представление в приемах своей богатырской силы для публики за 30 копеек. Ванька, всем телом дрожа от холода, тоже читал про себя, содержание афиши. Как в знак общего предвкушения наслаждения, предстоящим зрелищем, он проведя пальцем по афише прочитал всеуслышанье:

– Ваня Дубровский!

Тут только все стоящие около афиши обратили на Ваньку внимание, что он совсем раздетый на таком январском холоде.

– Ишь, какой жаркий выскочил! Упрекнул его стоявший тут его отец, и поддав Ваньке подзатыльник, он отогнал его от мазанки домой.

В не так уж просторном помещении зрительного зала избы-читальни, народу набилось до отказа. Желających посмотреть на силача было хоть отбавляй. Особенно всех подмывало любопытство узнать: по условиям, какие были объ-

явлены в афише, выбьет ли кузнец Мирашевский, из зубов Дубровского двух пудовую гирию. За что согласно афиши, Ваня Дубровский, должен выдать 100 рублей. Заманчиво, любопытно и интересно. Представление началось. Сначала Ваня Дубровский показывал публики различные упражнения в движениях мускул рук, ног и всего своего, развитого гимнастикой, атлетически здорового тела. Публика, сидя на скамейках и стоявшая просто на скамьях расставленных вокруг стен, с большим вниманием и любопытством смотрела на захватывающие трюки силача. От духоты и спертости воздуха в зале стало душно, с лиц зрителей котился зернистый пот. Публика млела в жаре, дышала, добавляя в зал больше тепла и невыносимой духоты. Из двери избы-читальни на простор воли, клубами пер белесый пар. На железной крыши избы-читальни, от скопившегося в помещении пара, заметно стал таять снег, с крыши потекли капли. А в зале своим чередом идут представления за представлением. На загорбок и плечи Дубровского положили рельсу от узкоколейной железной дороги. По концам её насели шесть мужиков и Дубровский крутясь на одном месте стал катать мужиков, как на карусели

– Так-то и я сумею! – сказал Никита Серяков.

Потом на грудь лежащего, на сцене, силача положили свиловатый березовый дровяной комелек и стали топором колоть, разделывать этот чурбан на дрова. И силачу хоть-бы, что он преспокойненько выдерживал удары на своей груди.

– Эт так-то и я сумею! – проговорил Никита Серяков.

Затем, на лежащего Дубровского, положили сбитый из досок щит, а на щит вворотили камень-дикарь весом пудов в тридцать и по этому-же камню мужики начали колотить пудовыми гирями. Колотили так усердно и бойко, что от гири, которой усердно орудовал Вагон, отвалилась рукоятка, а гиря гремя по сцене покатила в угол. Видя это присутствовавшие в зале, бабы взвыли. Им подумалось, что это покатила голова Дубровского отшибленная ударами гирь. Все облегченно вздохнули, увидя вставшего невредимым Ваню. Потом Дубровский приказал связать воедино три гири: два двухпудовика и один пудовик – в общей сложности пять пудов. Вцепившись за кончик веревочки зубами Дубровский одним махов, перекинул эту связку гирь через голову. В завершение представления, приступили к последнему трюку, который является гвоздем всей программы. Дубровский, на сцену пригласил, кузнеца Ивана Ивановича Мирашевского, изъявившего желание, испытать свое молотобойное искусство в выбивании гири из зубов силача. Чтобы убедиться в точности прицеливания боя Дубровский попросил кузнеца продемонстрировать точность попадания увесистой кувалдой по гире, лежащей на полу сцены. Мирашевский высоко взметнув кувалду и с левши, с типичным «айканьем» с силой ударил ей по гире. Точность попадания была безукоризненной. И началось: Дубровский взяв в зубы кончик веревочки, на которой слегка покачиваясь повисла двухпудовая

гиря. Публика притаённо приутихла: слышно только дыхание. Движением рук, силач приказал: «Бей!». Широко размахнувшись кувалдой, Мирашевский со всей силой ударил по гире, которая мерно закачалась от удара. Затаив дыхание люди следили за происходившем. В так качания гири последовал второй удар. Третий удар был не совсем по боку гири, а скорее с верху ее. И гиря из зубов силача выпала. В зале все дружно ахнули, и поднялась невообразимая кутерьма и споры. Вся публика в зале пришла в шумливое движение. Дубровский утверждал, что Мирашевский не правильно сделал третий удар: не дал гире остановиться и ударил не сбоку, а сверху. А публика орала, за Мирашевского. Особенно надрывался из публики Панька Варганов, намереваясь своим криком помочь Мирашевскому, выпорить у силача сто рублей, согласно афиши. Предвкушая дармовую изрядную выпивку Панька и не жалея своей глотки, неистово крича: «Правильно, Мирашевский выбил! Плати сто рублей!» Панька так надсадно кричал, что заглушал всю публику, Василий Ефимович, даже заметил ему: «Смотри Паньк, как бы от натужного клика, у тебя пупок не лопнул!» «Не лопнет! Мне его бабка-повитуха крепенько завязала, а то, что Иван Иванович, гирю выбил, это правильно! Одним словом пьем!» Дико выкрикнул в публику Панька, сладко обливаясь от мысли: вот-вот удачник Мирашевский поставит для мужиков ведро вина для выпивки начужбинку, с такого выигрыша! Ведь сто рублей это деньги большого достоя-

ния. Но спор на сцене затянулся и склонялся не в пользу кузнеца, Дубровский убедительно и спокойно выставлял свои аргументы против Мирашевского, за которого горой стояла в споре почти вся публика. А Дубровский один! Стоявший тут же на сцене его ассистент, в споре почему-то не активно защищал своего кумира, за что Дубровский обрушился на него с упреком и недовольством: Спор, при поддержке избача Кутлакова, решился в пользу Дубровского и денежный куш не был выдан. Панькин крик оказался напрасным.

Лотерея. Разыгрывание. Санька жених

Повелась в Мотовилове мода вещи разыгрывать. Да и на самом деле: разыгрывателю выгодно – с людей соберёт много денег, за какую-нибудь невзрачную вещь и выигравшему – лафа: за пару каталок, или за 50 копеек ввалится вещь. Какие-то посторонние люди, приехавшие в Мотовилово, решили разыграть какой-то музыкальный, заводной ящик, который достался Зиновым и многие ходили к ним послушать мелодично-приятную музыку исходящую из этого ящика. Сергей Лабин решил разыграть часы настенные с боем и граммофон с пластинками. Часы достались (очень кстати) Ивану Трынкову, а граммофон Кузьме Оглоблину. Иван Трынков не мог не радоваться часам с боем, на смелу стареньким ходикам. Он повесил на стену эти выигрышные часы и любовался ими особенно. Его радовал мелодичный их бой. И граммофон, в вольной семье Оглобленных, где кишмя-кишат ребятишки, тоже оказался забавной штукой.

Сначала на граммофоне играли все. Принеся домой выигрыш, первым его завел сам Кузьма, а потом заводить граммофон научилась вся его семья: от самой Татьяны до карапуза Петьки. Крутили за ручку все кому не лень. Вскоре иголки иступились, пластинки от царапанья гвоздями поизносились и стал граммофон не играть, а на разные манеры похрипывать и по собачьи лаять. Однажды, Петька крутнул заводную ручку не в ту сторону куда надо, а в обратную: от чего внутри ящика что-то хряснуло и граммофон играть перестал совсем. Вскрыли сами ребятишки стали его чинить и совсем зачинили – не играет граммофон да и только! И всей семьей придумали: граммофонную трубу, формой и красивой раскраской, похожую на нежный цветок тюльпана, приспособить для надворных детских надобностей, благо ребятишек-то в этой семье восемь душ. Кузьма, самолично прорубил, в задней стене избы дырку; просунул в нее тонкий конец граммофонной трубы и нужное приспособление готово! В широченный раструб; ребятишки с особым рвением стали мочиться и с большим интересом наблюдали, как за стеной в сенях, моча стекала в подставленное поганое ведро. Это приспособление выручало, особенно в морозные, ночи зимы: Не выходить же голопузикам, по всякому естественному поводу разутым во двор (валенки-то всего две пары на всю семью), а подходи к трубе и дуй во всю! Ребятишки, каждый за собой, горловину трубы затыкал тряпкой – и удобно и не тяжело! Разыгранная Григорием Ивановичем Даниловым гар-

монь досталась Савельевым. На розыгрыше, Минька и Санька не участвовали, так что когда им известили, что гармонь досталась им, они оба бросились бежать к Даниловым. Сашка уже имея у себя гармонь не против был иметь и эту выигрышную, но выигрыш оказался записанный номер Миньки. За раз, в доме Савельевых появилось две гармони: и у Саньки, и у Миньки. Музыкальным талантом братья не обладали: за все время Санька научился играть только «Златые горы» и «Коробочку». А Минька и этого не постиг. Он неоднократно брал в руки свою выигрышную гармонь, старался научиться хотя бы что-нибудь, но из его стараний ничего не получилось. Миньке пришлось объявить о продаже гармони. Покупатель на гармонь, вскоре выискался: Ванька-Кулёк из села Вторусского. Сторговались за 23 рубля! Это цена, почти стоимости коровы. Но для такого жениха, как Ваньке-Кулёк, на покупку гармони, всегда деньги изыщутся. И его отец на эту вещь денег не пожалел. И Миньке со своей молодой женой такие деньги, оказались очень кстати. Они на них купили по коробочным ботинкам, да еще кое-что из праздничной сряды. Женившись, Минька сошел с жениховской арены. Вместо его, на эту арену выдвинулся брат Санька, которому, к этому времени, шёл семнадцатый год – пора расцвета его юности и созревания личности. А Минька уже замышляя как строить свою семейную жизнь, старался сколачивать свое хозяйство, задумывая и об отделении от семьи. Его молодая жена у кровати своей повесила ситцевую занавеску –

создав свой отдельный микроклимат молодоженов.

Розыгрыши производятся ни только в сельских масштабах. Они проводятся и в масштабе всей страны. Так, Санька Савельев, где-то в городе купил за 50 копеек лотерейный билет и придя домой, торжественно заявил семье:

– Вот я в Арзамасе, приобрел билет, который называется «Наш ответ чемберлену», по которому можно за 50 копеек выиграть кругосветное путешествие!

– Нет Санюшк, чего хошь выигрывай, только не это твое путешествие! – озабоченно встревожилась мать. Потому, что с таким путешествием будет одна склока! И тебе и нам!

– Какая склока? – удивился Санька.

– А вот какая: во-первых, столько дней продлится путешествие?

– Ну около месяца! – осведомил Санька – А что?

– Вот видишь! Значит тридцать дней. Ведь тебе на это время одного хлеба, с собой приготовить взять немало нужно будет! И пожалуй четырех караваев мало будет! Да еще кое чего так! Чемодан-то, ой какой тяжелый будет! Хлеб-то за это время в дороге-то заплесневеет, испортится. Во вторых, у тебя и сряды-то нет! Ни рубахи, ни штанов подходящих и ботинок коробочных нет, а в лаптях, ведь не поедешь! На морях в них не покажешься! Нет Сань, как хошь, а я не согласна пустить тебя в такой дальний путь, – высказала свою тревогу и опасение мать за Саньку, который может оказаться в пути, выиграв путешествие вокруг земного шара.

– Мам, ты напрасно беспокоишься. В случае, если я выиграю, то все мне дадут: и одежду и питание! И все за казенный счет. Эх мам, какая, все же ты чудная! Да в случае если я выиграю. Я не поеду, а полечу на аэроплане, приземляясь в городах – столицах всего мира! И все это будет проходить не на своем хлебе, а все из казны нашего государства!

– Ну тогда, полетай! Я думала, все по другому! Тогда я согласна: полета с богом!

А между прочим, Санька не совсем был без хорошей рубахи и подходящих штанов. Работая каталки, он частенько, по воскресениям, точил каталки себе на «собину», сдавал их Лабину В. Г. и деньги скапливал. Так на эти деньги он купил гармонь, купил хромовые сапоги и об остальной одежде не забывал. Так что он одевался по моде и даже на выхвалку перед девками-невестами. Когда Санька из Арзамаса привез хромовые сапоги, отец спросил его: – Чай сколько отвалил за них? – Восемь рублей! – ответил Санька. – А я эти сапоги за так не взял бы. – А что? – встревожась спросил Санька. – Их, не успеешь надеть на ноги, как они оскалятся: каши запросят! Видишь подметка-то плохо подбита! Она скоро отстанет и гвоздями оскалится! – стараясь расхаять Санькину покупку тоскливо торочил отец. Но Санька не сдавался, подметка у его сапог, долго не отставала, он ходил в сапогах аккуратно и сублирежью. Перед девками Санька старался вырядиться, по всем правилам приличия, культурного жениха. Он подвязывал на шею себе галстук, для красы, во всю грудь

продергивал серебряную цепочку от карманных часов. Сами часы покоились у него тут же в грудном кармашке. Гармонь на плече, в самом деле, чем не жених самого культурного и приглядчивого вида в сельской действительности! Санька частенько стал пропадать на улице, его все чаще и чаще стало увлекать на гуляние, он чаще стал пребывать среди девок-невест. Посторонние бабы, судача на озере или на улице и теряясь в догадках спрашивали друг-другу: кто все же у Саньки невеста-то? Да и мать его, однажды спросила: – Сань, а у тебя, заветная-то невеста есть, ай еще не подыскал? – Пока нет и не завелась! – коротко отговорился Санька. Свое культурные образование Санька черпал из книг, журналов и газет. Он сам себе выписывал из Москвы газету «Молодая рать», журнал «Лапоть». Покупал книжки пополняя свою домашнюю библиотеку. Санька частенько стал заглядывать и в избу-читальню. Не пропуская ни одного киносеанса, заделался сельским артистом – стал участвовать в спектаклях. Санька, пожалуй, первым в селе, для постели своей приобрел простыню, стал чистить зубы, мазался различными кремами, выводя с лица надоедливые угри, умывался с душистым, из жестяной баночки, мылом «Пионер». Беловатый в мать, материн любимец, парень вялого темперамента, Санька, услужливо помогал делами и словом матери.

– Ну-ка, Санюшк, смекни подсчитай правильно ли с меня, в потребилке, приказчик денег взял? Не обсчитал ли? Я взяла кило сахара, мыло кусок и спичек тысячу. Санька подсчи-

тывал и говорил результаты подсчета. Отец же, всячески старался укротить Саньку. Он частенько упрекал его за чтение книг, считая это бесполезным занятием, и напрасной тратой керосина, если Санька долго засиживался за чтением в зимние вечера. И на гулянии, отец не разрешал подолгу быть. «Ты Саньк, долго-то не шляйся, а то запру дверь на крючок и будешь знать!» Предупредительно отговаривал отец Саньку. А Санька, слушая слова отца, не всегда выполнял его указания, а чувствуя себя уже взрослым, гнул свою сторону. В масленицу, подвыпивший с товарищами Санька, поздним вечером, когда во дворе было уже совсем темно, принес со двора пойманного полусонного петуха и напоив его самогонкой стал увлеченно забавляться им. Насыпал Санька на пол пшеницы, петух стал клевать, считая клювом каждой зернышко. Санька убрал лампу, в избе стало темно и опьяневший петух клевать перестал, а начал забавно и оглушительно петь.

Великий пост. Санька и книжки

Саньке Савельеву уже 17 лет – он уже всех мер жених. После женитьбы старшего брата Михаила, он в семье стал исправным парнем-женихом. В масленицу Санька покатав своих сельских девок-невест, вместе с другом своим Ванькой Лабиным, вздумал поехать на Сером в село Чернуху, там тоже покатать своих невест. Возвращаясь из Чернухи, уже поздним вечером когда уже почти совсем стемнело. Когда они въехали в свое село с ними произошло небольшое происшествие. Повозка Саньки и которой он управлял, внезапно встретилась с чьей-то встречной повозкой. При внезапной встрече повозки взаимно перепутались упряжью и оглоблями. Санькин Серый каким-то образом, передними ногами очутился в чужих оглоблях, а встретившаяся лошадь, каким-то чудом, оказалась высвободившейся из хомута. Серый, конечно смог бы и избежать этой нежелательной встречи, потому что он, своим лошадиным чутьем чувствовал, приближение встречной лошади. И мог бы свернуть с дороги в сторону, но он в волю набегавшись за день утешая удаль молодого хозяина, изрядно устал и своими натруженными ногами, не захотел сворачивать, пошел направо, видимо намереваясь при встрече хоть минутку отдохнуть, дать небольшую передышку своим усталым ногам. При пьяной, но не злобливой перебранке, со стороны хозяев обоих встре-

тившихся повозок, при хлопотном распутывании упряжек, наконец все дело было улажено. Повозки взаимно расцепились, и Санька, с некоторым лихачеством так сильно стега-нул Серого, что тот с места взбешенно рванул и поскакал галопом. Минуты за три он доскакал до своего дома, и как вкопанный встал у двора, мордой упёршись в ворота.

Отшумела, отбушевала, традиционная, русская масленица, с её ухарским, веселым катанием на разнаряженных лошадях, со звоном колокольчиков и бубенчиков под дугой. Масленица, это символ, широко нараспашку открытой души русского крестьянина. Масленица это стихия для молодежи, особенно парней и девок, во время которой, они чувствуют себя развязано и вольготно – полная свобода от взрослых и вольница. Во время катания, парни любезно, взаимно целуются с девками, выбирают себе невест, а с приходом весны, в Радоницу начинается сватовство и женитьба. Санька Савельев, катая артель девок, как бы невзначай, в приливе любезности поцеловал Наташку Статникову, которая ему понравилась с первого взгляда. Это был его первый взаимно любовный поцелуй, который давал ему надежду на дальнейшую взаимную любовь... И вот снова наступил великий пост. Пора покаяния в грехах, пора говения. Крестьянинова бабушка Дуня решила отговорить на первой неделе поста, чтобы охотнее было ходить, в церковь. Она зашла к Савельевым, чтоб пригласить с собой говеть бабушку Евлинью.

– Нет, – отказалась Евлинья, – я надумала поговорить на

вербной неделе. Тогда тепленько на улице-то будет, а сейчас вон какие холода стоят! Я вот, как баба-яга, сижу на печи и слезаю только обедать, да «на двор»! – для пущей убедительности добавила Евлинья.

– Да и я тоже, целыми днями на печке валяюсь и клохчу, а вот хожу без клюшки! – высказалась о своем здоровье и бабушка Дуня.

Придя в церковь, бабушка Дуня, усердно помолилась: сперва прямо, потом направо, а затем налево и истово поклонившись всем говельщикам, она встала на месте, как вкопанная. А бабушка Евлинья, как только ушла от них бабушка Дуня, ради спасения души своей, запела: «Душа моя, душа моя, восстани, что спиши. Конец надвигается, и мощи смутятся... Тебя призываю я, на добрые дела. Для пользы людям и в свое утешение!» Васька с Володькой гревшиеся тоже на печке просили бабушку: «Бабк, а спой еще. Больно ты хорошо поешь, как в церкви! – Ну слушайте! Неиманы иные помощи, неиманы иные надежды!»

А на улице стоят совсем еще зимние холода, давят землю лютые морозы.

– Глядите-ка, на улице-то нынче, какой холодище! Видите, как окошки-то морозом закалябило! Только бы таракан морозить, – извещает бабушка внукам. – Снежку-то нынче поле-то, вроде, много. А глубокий снежок хлеб сбережет! Снег глубок урожай высок! – словами русских пословиц об урожае, вкладывает она в детские головы природных при-

меты. – А вот, слушайте я вам загадку загадаю! Телега рачитель, а сам расточитель? Кто разгадает? – спрашивает бабушка внуков.

– Эт как бабк? – каки сани расточитель?

– А вот как! Летом на телеге, урожай с поля, домой везут, а зимой излишний хлеб в город на базар везут! Вот как!

В великом посте, в будни, сельская молодежь в избу читальню не ходит – грех, а по воскресеньям все-же туда заглядывают парни: почитать газеты, просмотреть свеженькие журналы. Санька Савельев, будничными вечерами, после работы в токарне, забирался в верхнюю комнату и украдкой от отца подолгу засиживался за своим письменно-читательским столом, читая книжки. Всем существом своим, почувствовал, что Санька сидит за книгами, отец разъяренно, по лестнице торопливо вбежал в верхнюю комнату и с гневом обрушился на Саньку. По грозно топающему звуку шагов отца. Санька определил, что отец не в духе и пощады от него не жди.

– Гаси огонь, – рявкнул отец на Саньку, – сам знаешь, как керосин-то достать трудно, а ты понапрасну жжёшь

Дались тебе, эти книжки, а что в них толку и сам не знаешь? Вон Санька Лунькин зачитался и ты не минуешь этого! Только и торчишь за книжками! Книгочёт какой нашелся! – злобно ворчал он на Саньку искоса глазами поедая книгу лежащую перед Санькой. – Вот звездануть чиколкой по затылку-то и будешь знать! – пообещал он Саньке. Санька, осме-

левший попробовал словесно обороняться:

– Что тебе жалко? Ведь рабочее время кончилось! Мы с Минькой свое дело сделали!

– Вот поговори у меня еще... пооправдывайся! Я вот возьму в руки ремень и отхожу тебя за дерзость отцу!

– Возьми! Было бы за что!

– Ах, ты еще пререкаться! Грамотей! Бездельник! – укоризненно ворча, отец наседа на Саньку. Лицо отца покраснело как рак, шейные жилки налившись кровью вздулись – признак того, что отец не сдержав себя может ударить. Он злобно сузив глаза, вплотную подошел к Саньке, намереваясь нанести ему удар. Санька избегая удара увертливо отскочил в сторону. За отклонение от удара, отец с силой стеганул Саньку ремнем по спине. Пряжка разогнулась, вертушок от нее вылетев, со звоном покотился под лавку.

– Дух вышибу! – грозно выпалил отец, корчавшумуся от боли Саньке. – Ты передо мною вдвойне виноват! Я тебя вырастил, я-же тебя кормлю, а ты против отца пошел! – сыпал отец обидные слова, притупленно присмирившему, едва сдерживающему слезы Саньке. К счастью, этой драматической семейной драмы: буйной перепалки отца с сыном, мать не видела, а то бы, драма приняла бы, еще острее форму.

Прополз по селу, да ни только по селу, а по всей матушке России, слушок, что к весне-то война разразится.

– А кто, на нас с войной-то, идти собирается? – с наивностью спросил зевая Федотов.

– Ты рай не знаешь? Какой-то Чемберлейн! Вот кто! – с чувством всезнайки, ответил ему Алеша Крестьянинов, неуместно сунувшийся со своим резвым языком в беседу стариков.

– А кто он, этот самый Чемберлейн то? – спросил Василий Ефимович.

– Английский главный министр! Вроде нашего царя! Он давно на нас зуб имеет, вот сейчас и хочет с нами силой побрататься. Только вряд ли, у него чего получится. Мы его шапками закидаем, и мы не спим – готовим наш ответ Чемберлейну! – длинно высказался, все тот же Алеша.

– Англичанина-то мы не боимся, а вот если поднимется Китай! То уж сохи, бароны кидай! – со знанием дела, вступил в разговор сам дед Крестьянинов. Он торопко вскочив на ступеньки печной лесенки, достал с полатей тулуп и во всю ширь раскинул его на полу перед мужиками:

– Вот глядите! – с таинственностью в движениях, привлекая внимание мужиков, сказал он. – Наша земля Россия площадью, как воротник от тулупа, а Китай это весь тулуп! – Так, что Китая надо бояться. Он для нас гроза! – заговорчески окинув глазами мужиков, закончил свою речь дед.

– Да, тут большая задача. Хотя мы и не боимся, этого самого, Чембурлейна, а войны-то все-же вряд ли кто хочет. Ведь всех молодых мужиков, в случае, на фронт загребут, а бабы-то одни чего делать-то станут! – с малозначительной, легкой усмешкой сказал Иван.

Слушок о войне, расплзающийся по селу, оказался на руку правленцам потребительского общества. Они, от себя, нарочно пустили в народ, и такой слухок, что война к весне обязательно разгорится, и что соли в продаже во время войны не будет: Так что кто умом сообразительный, пусть запасает соль пока ее в лавке предостаточно! А этой соли, в сарае, на складе, во дворе, двух этажного помещения правления, где наверху расположена, сама контора, а внизу торговая лавка, запасено много. Еще в прошлом году, в адрес мотовиловского потребительского общества, пришел на станцию вагон с солью. Ее на лошадях, перевезли и навалом сыпали в сарай во дворе канторы. Соль, со временем, слежалась, спеклась, смерзлась – взять ее стало трудно, разве только с топора или с лома. Правленцам страстно хотелось распродать соль, а люди, жители села встревоженные слухом о надвигающейся войне, бросились в лавку на покупку соли. Вооружившись кто топорами, а кто ломом, каждый для себя долбачил окаменевший соляной бугор. Уединивший в угол сарая, топором сокрушал соляную залежь, Василий Естрадафьевич Савинов. Из-под его топора выскакивали розоватые искры и во все стороны летели соляные осколки. Эти-то осколки соли, и соблазнили, пришедшую сюда, тоже за солью шегалевскую бабу, по прозвищу «Чвокало». Подобрав в свой мешок, отлетевшие вдаль от Василия кусочки соли, она поближе подступила к нему. И припав на колени, просительно глядя на Василия провозгласила: «Василь Естрадафич!

Хоть пудик! Похлебку» посолить нечем». Она врала, соль у них в дому была. Она захватливо стала загребать к себе, отколотые Василием комья соли. Василий, не обращая внимания на бабу, с усердием продолжал свое дело. Он долбил, соль, повинувась ударами топора, отваливалась, а баба, пользуясь простотой Василия, украдчиво озираясь, старалась отгрести комья соли из под самого топора. Вдруг она так громко и дико ойкнула, что все присутствующие в сарае, перепугано, прекратили долбежку соли. Василий нечаянно угодил топором по загребающей варежке «Чвокалы». Баба от боли, взвыла. Из зажатой ее руки, окрашивая соль хлынула кровь. В отрубленной варежке трепыхались три отрубленных пальца. В сарае поднялась тревоженная беготня и суматоха. Кто побежал хлопотать насчет лошади – отвезти потерпевшую в чернуху, в больницу, а кто болезненно сочувствуя, хлопотал около Чвокалы. Василий Евстрафьевич же, от перепуга, стоял ни жив, ни мертв. Он сильно перепугался и душевно переживал о случившемся.

При полном излечении, когда она из больницы вернулась без трех пальцев на руке, бабам, хвалясь говорила: «Нет, бабы, спасибо Василию Естрадафичу. Он за пальцы мне поплатился – помогорился: полушалок новый в лавке купил! Так что я на него не во злобе! Сама виновата!»

Соль все-же всю раскупили: кто пуд, кто два, а кто и целым кулем обзавелся на всякий военный случай, ведь с солью-то лучше чем без соли сидеть. Живи и посаливай, а

кто не запас, по своей оплошности, тому в случае, и променять можно, или продать на деньги. Пораспродав соль и таким образом превратив ее в деньги правленцы потребобщества узнали сколько ее было. Подсчитав по книгам учета и подбив сальдо-бульдо, бухгалтерия определила, что концы с концами не сходятся. В общей-то сложности в торговых делах, получается не актив, а большой пассив. Мартовской ночью, в канун праздника, когда помывшись в бане, народ отдыхая блаженно спал, внезапно ударом воздух полосонул набат. Пружинисто вскочив с постели, жители села взбудоражились, затолмошились. Безмятежно спавшие люди, мгновенно оторвались от мест лежания, ведь ничто так не будоражит народ, как тревожные удары набата. Трясущими от испуга, руками не в попадь, в избах зажигали лампы. В избах суматоха, кутерьма и сутолока. Но видя, что горит «не наш» дом, несколько успокаиваются, и в раздумьи, терзавшиеся в догадках, всяк про себя думает мнит: «Где же это горит? Может в чужом селе!» Удары в большой колокол, снова ошеломляет людей: «Ах батюшки! Ведь где-то в нашем селе горит! В большой бы колокол не ударили!» Суматоха возобновляется с новой силой. Выбежав на улицу, и взметнув глаза на зарево, Василий Ефимович спросил бегущего на пожар мужика:

– Эт что там горит?

– Потребилка! – в попыхах, ответил ему мужик и топя сапожищами обутых на босу ногу побежал дальше.

– Ну, доторговались! – предчувственно подумал про себя Василий Ефимович.

А в домах все еще суматоха, всех мучает мысль далеко, ли близко ли горит. Если далеко, то надо туда бежать помогать тушить, а если близко, то надо поразмыслить: таскаться или нет. А меж, тем, на колокольне заблямкали в маленькие колокола. Своим пронзительным звуком, они влили в душу и так перепуганным людям, еще больше тревоги и смятения.

– Батюшки! – всполошилась Крестьянинова бабушка Дуня, – знать все разгорается, знать вновь загораются дома. Она схватив в руки свои лапти, носилась с ними от окна к порогу, от порога снова к окну, наблюдая в него, как невдалеке от церкви бушует пламя огня, озаряя белую стену колокольни румяным заревом.

– Мамк, а ты не больно толмошишь! – унял бабушку сын Федор, – ведь не в шабрах горит и успокойся! Положи лапти-то опять на место! Не с горят твои лапти не бойся! Эт, видать, лавка-потребилка горит. Ну и черт с ней! Я уже выбегал на улицу-то, узнавал!

А с колокольни, разливаясь по всему селу, вновь гул большого колокола, извещающий о том, чтобы все бежали на пожар, не отсиживались дома, и кто, как может помогал тушить огонь.

– Видать здорово бушует! – на бегу, во весь опор, переговариваясь два мужика. Один с топором в руке, а другой с веревкой. По улицам села судорожно-тревожная беготня,

возбужденное топание ног. Где-то на Моторе пронзительно и тревожно заржала лошадь. Во всех концах села, послышался неистовый собачий лай. Около пожарища собралось народу, целая толпа. Бабы ведрами подтаскивали воду, мужики орудовали, кто топором, кто баграми, а кто неистово орал во все горло: «Воды!». Пожарная машина была тут же: Санька Лунькин, не щадя себя, самоотверженно наседавал на огонь, направляя струю на верхний, деревянный этаж, где помещалась контора и где всюду полыхало всепожирающее пламя. А из двери нижнего каменного этажа, где помещалась торговая лавка, мужики и бабы вытаскивали товар, располагая его навалом прямо на дороге. За таскальщиками, наблюдал сам продавец Жучков Михаил. Он старался следить за тем, чтобы товар не растаскивали по домам. Но разве за всеми-то углядишь: один мужик, волоча из горячей лавки мешок с курагой, как бы невзначай, упрятывая совал себе в карман кусок серого «поганого» мыла. А верхний этаж, полыхая в огне, пламенем уже объят наполовину.

– Ну и крепко срублен дом, никак багром не растащишь! – в устали жалуясь, проговорил один мужик, Ивану Никитичу Потемкину стоявшему около дороги. – Ведь, ты Иван Никитич, строил этот дом? Ни на шкантах ли стены-то?

– Намо чай! – коротко ответил Потемкин, невозмутимо наблюдая, как пышет огонь.

– Мужики! а вы не стойте, разиня рот! Помогайте тушить-то! – обратился Жучков к стоящим поодаль мужикам.

– А от чего загорелось-то? – осмелившись спросил его Иван Гаврилов, житель Кужадоники.

– А об этом не сейчас рассуждать и не вашего ума, это дело! – угрожающе ответил ему Жучков.

– А-а! Видимо, наше дело пан плати, а от чего загорелось, так не наше дело! Видать, проторговались «в трубу» вот и пожар, а огонь все грехи покрое! – в полголоса, робко проговорил Иван.

После того как правленцы, добровольного потребительского общества в лице: Лабин Сергей Никифорович – председатель, Лобанов Яков Иванович – бухгалтер, Васюнин Сергей Григорьевич – закупщик, Лобанов Василий Федорович – ревизор, подбив по книгам конторского учета, сальдо-бульдо, узнали, что выявилась большая растрата общественных денежных средств, с целью сокрытия следов этой растраты, грозящей не отбрыкаться им от суда и каталажки, подговорили сторожа конторы Терентия Тарасова, чтоб тот, ночью поджег контору и концы в воду. Все будет шито-крыто, с расчетом, что все документы обличающие «деятельность» и проделки правленцев дотла сгорели! и перед плательщиками, было легко отчитаться! За некоторую сумму денег, сторож Терентий поджечь контору согласился и легкомысленно пошел на это преступление. В ночь под праздник, он жарко натопив галанку. Нарочно подгрел к топке кипу бухгалтерских книг и бумаг, и открыв дверцу галанки, преспокойненько ушел домой: помыться в бане и поужинать.

После бани, изрядно выпив, опорожнив бутылку «русской горькой», которой его снабдили те же правленцы и не в меру опьянев, сторож, дома на печи, залег спать. Его тут же сморил, богатырский с прихрапом сон. А в конторе, в это время светлый огонь, постепенно начинает творить, задуманное правленцами, «темное дело». Из открытой галаночной дверцы, на кипы «деловых» канцелярских бумаг, выпал красненький уголек, бумага незамедлительно, воспламенилась и принялась гореть. От бумаг загорелись «деловые» книги, а от них вспыхнула и вся контора, угрожая пламенем и нижнему этажу, где в лавке находился съестной товар. Благо низ под конторой сложен из кирпича и товар сторел не весь, а частично. Подоспевшие мужики не дав товару стореть вытащили его на дорогу. Конечно, часть товара посовали по карманам и растащили по домам. Анна Гуляева, принимающая активное участие в вытаскивании из лавки товара, умудрилась засунуть себе под подол и там спрятать кокурку колбасы. А когда она второпях вынося товар споткнулась о ящик, у нее предательски выпала из под подола эта самая колбаса. Завидев это, продавец Жучков стал Анну укорять в нечестности.

– Эт, я, за работу! – добродушно улыбаясь оправдалась Анна, под общий смех мужиков.

– А ты что, Яков Спиридоныч, так поздно на пожар-то прибежал, – заметил Иван Федотов только-что появившемуся на пожаре Якову.

– Да я, вовсе не прибежал, а шагом пришел! – отозвался Яков. – Видите-ли, какое дело-то! Я спал, а когда заслышал набат вскочил, оделся, обулся и видя, что не мой дом горит стал собираться на пожар. Только бы выбежать из дома-то, хватить за карман, а кисет-то в отсутствии: Искал, искал его – еле нашел! Спихватился – спичек в кармане нету!

– А зачем тебе на пожаре спички-то? Огня сколько хошь! Только прикуривай! – заметил ему Иван.

– Дело баят: «на пожаре все умом растериваются». Вот и я тоже. – шутливо оправдался Яков Спиридонович.

– А какой дурак побыв на пожаре, да не закурит! – заметил Яков в толпу мужиков.

– А на пожаре-то и так дыму-то много: вдыхай да выпускай из себя, сколько в тебя влезет! – с подковыркой заметил, никогда, не куривший табака Иван.

– Есть дым, да не тот! Дым дыму рознь! Табачный дымок на пожаре приятен для нюха! – прикуривая от тлеющей головешки, и пуская пахучий, табачный дымок проговорил Яков Спиридонович.

После пожара все убытки потребительского общества, были списаны за счет стихийного бедствия. Трудовые денежки пайщиков в действительности «вылетели в трубу» хотя на пожаре, дыму и огню никакая труба не спонадобилась. А, «достопримечательные» люди «специалисты» в вопросах торговли, «красные купцы» и «заботливые» правленцы, при- таённо от пронирливо-любопытных пайщиков, цинично по-

хихикивали, кичась своими способностями и деловыми качествами в коммерческих делах. Тем, кто робко с оглядкой назад, интересуясь спрашивал и любопытствовал о причине пожара, они затыкали рот: «Это не твоего ума дело! Пожар есть пожар, от него никто не зарекайся!» И вся эта жульская разгульная компания, после пожара не переставала частенько собираться в месте, устраивала, услаждающие пиры. Ехидно улыбались, но все-же тревожно ухмыляясь, обильно «смачивали» свои горлышки «русской горькой», запивали ее пивом, изысканно закусывали, и общее добро односельчан-пайщиков поминали «За упокой!» Сторожу же Терентию приказали: язык натуго прикусить!

Весна – сев. Санька и Наташка

И снова весна, Солнышко и тепло в полном разгаре. В поле, снег уже стаял, и только кое-где виднелись грязно-серые его островки, притаившееся под крутыми берегами овражек. Над пригретой солнцем землей, весело распевали жаворонки, высоко взлетая в заоблачные высоты. В селе, от нагретых солнцем тесовых крыш построек, лениво тянется седая испарина. На озере, освободившийся от снега, сероватый, с просинью ноздреватый лед, под напором ветра, всей громадиной, гоняло от берега к берегу. Расплавляясь под солнечными лучами, эта вся ледяная глыба, ожидала своего рокового дня. А с колокольни, во все стороны родного края, разносятся музыкальные звуки пасхального звона колоколов. Ликуй русская душа, от этого радостного перезвона! Да и полна отрады, русская натура, от мелодичного колокольного трезвона! С колокольни видно, как толпа мотовиловских мужиков, с короткими остановками движется по подсыхающему от весенней влаги, полю. И виден отделившийся от толпы, человек с саженью. Его размеренный шаг и перекидываемая им, с ножки на ножку сажень, в дележе, размеривавшую землю поля. Это, мужики, перед тем, как приступить к весенней пашне и севу, делят кормилицу землю по едокам, для правильности ее распределения прибегая к жеребьевке. Эх! Эта неподкупная жеребьевка, кто только ее придумал: про-

ста, честна и правдива! Непримирымый судья для нахальных спорщиков, мошенников и горлодеров, пытающих своими широкими глотками, околпачить честной народ!

В буйном цветении забушевала природа. Цветет сирень, цветет вишня, скоро расцветет и черемуха и пойдет по всему селу дурманящий молодые головы, запах весны – поры спаривания, всех движущихся тварей живой природы, для таинственного взаимосовокупления! В этот, таинственный круговорот продолжения жизни на нашей планете Земле, весной, вступают все, от мельчайших насекомых до птиц и зверей, а чем хуже их – Человек? Все твари Земли, совокупляются без каких-либо ограничений, а вот люди? ... В этом великом, дарованном природой, которое и создано то для продолжения рода человеческого на Земле, сам человек, имеет в этом вопросе, некоторую озадаченность и разумный запрет, который регулируется взаимным любовным влечением разных полов!

После трехдневного пребывания в поле на севе, Василий Ефимович с Ванькой, приехали домой под самый вечер. Сидя за ужином, отец распорядительно сказал: «Теперь ты Ваньк, один можешь пахать-то! Поезжай завтра и вспаши тот загон который я тебе давеча показал». «Ты, уж его и так работой-то затыркал. Он далее расти перестал, а он ведь совсем ребенок», – с тоской в голосе заступилась за Ваньку мать. «Ну тогда ты Саньк, съезди и спаши! Ты ведь, тот наш загон тоже знаешь?» – перераспорядился отец, возло-

жив пашню того обширного загона на Саньку. «А! это тот широченный но короткий по длине!? Загон на котором мы в прошлом году много снопов нажали? Около оврага Шишкова?» – отозвался, согласившийся поехать на пашню, Санька, имея при этом, свои никому из семьи неведомые, любовные планы.

– Да тот самый загон, почти у самой Баусихи. Поезжай завтра и вспаши его. Тебе на нем почти на весь день хватит! А мы с Минькой за это время баню подремонтируем. Крышу перекроем, а то протекает, а после завтра с Ванькой поедем и тот загон льном засеем! – заключил разговор о пашне отдаленного загона отец. – Ты Саньк, нынче вечером до полночи-то не шлендай! Утром рано разбужу! – предупредительно напомнил отец Саньке. Но Санька, влекомый весенним приступом любви, после ужина, вышел на улицу прогуляться без кепки, пиджак в накидку, при галстукe (эмблема культурности), в новеньких брюках на выпуску, на ногах корбочные, хромовые ботинки, а в руках гармонь. В вечернем полумраке, таинственно блеснув, в руках у Саньки, гармонь призывно заиграла заученную им любимую песнь «Златые горы». Заслышав санькино наигрывание, Наташка Статникова, торопко вылезши из-за стола, поспешно выпорхнула на улицу, и скрываясь вечерним сумраком двинулась по дороге навстречу Саньке. В тягучей вечерней темноте, они «нечаянно» взаимно столкнулись.

– Эх ты меня и напугал! Прямо без души сделал! Душа в

пятки ушла! – тихо улыбаясь и взволнованно громко дыша, проговорила Наташка.

– А ну-ка, я пошарю! Правда, что-ли, что душа у тебя не на месте, – усмехаясь отозвался Санька. И он рукой коснулся того места где должно быть ее сердце. Она его руку от груди не отвела, а только сдержанно усмехнулась, но своей рукой придержала его руку, ограничив ее действие, как бы эта рука не позволила забраться туда, куда не позволительно... Санька, жених культурный, и при всем, в селе авторитетной, знатный и у людей в чести.

Но и Наташка девка собой не плоха. Диковинно приятная лицом. Она ни то что бы отменная красавица, но ее лицо приглядчиво и станом она постатная, в ее фигуре все пропорционально гармонирует и соблазнительно привлекает к себе любого парня. Вообще она девка смазлива и круглоличка! Даже посторонние бабы, восхваляли Наташку, ее матери Авдотье, говоря: «У вас Наташка-то, совсем, стала на невесту похожа. Груды выросли, задница соблазнительно, для парней, оттопырилась», – с многозначительными усмешками наговаривали Авдотье бабы. «Да, как-никак, а Наташенька у нас выгулилась и совсем поспела. Если женишок какой, присватается – как не отдашь! Ей уже семнадцатый годик пошел!» – жеманно улыбаясь высказалась о своей доченьке Авдотья.

А лелеяла Авдотья свою доченьку, как нежный цветок: «А ты поди-ка Наташеньк, поспи моя барынька, иди понежейся.

Набирай в себе силушки, да будущему жениху ласки накапливай!» – говаривала жалливая мать своей доченьке. Наташка и выгулялась, досрочно созрела как яблоко, на пышной унавоженной яблоне. А тем временем, между Санькой и Наташкой завязывался взаимно любящий разговор:

– Давай, заведем с тобой тесное знакомство! – с робостью в голосе проговорил Санька

– Давай! – едва слышно, тихо ответила она.

– Я тебя, давно узрил и ты мне понравилась! – давясь сухой спазмой, невольно, вырвались слова у Саньки.

– И я тебя давно заприметила нервно дыша ответила она, желано улыбаясь в темноту весеннего вечера...

Еще, во время святок, Наташка, целыми днями, кропотливо и старательно карпела над рукодельем – на подарок, Саньке она вышивала платочек. Нитками разных цветов, она разукрасила замысловатым орнаментом, а по углам платочка художественно вывела, 4 загадочные буквы: «КЛТД», а рядом с ними, к центру платка, поместилось еще 4 буквы: «АВС-Н». Все эти восемь букв, Санька расшифровал не сразу. Она ему подсказала, а когда он понял значение букв, то весело рассмеялся от наплыва радости и надежды. В порыве яростного порыва, он судорожно привлек ее к себе и несколько нагнувшись трепетно приложился губами к ее губам. Для первости в знакомстве, они долго бродили по улицам села, разговаривали. Большинство говорил Санька, а она слушала. Философствуя, Санька говорил о звездах, о плане-

тах, употреблял, иногда, научные слова, а она слушая, изредка блаженно улыбалась.

В огороде Статниковых, скамеечка, на ней-то и присели они несколько уставшие от ходьбы, Под развесистой, цветущей черемухой, они сидели и вполголоса любезно разговаривали. Наташкина мать, снедаемая любопытством и подымаемая тревогой, тайком подкралась, спрятавшись в густом малиннике не шевелясь, притаившись прислушиваясь к их душевным разговорам. От взбудораженной пыли, у Авдотьи щекотило в носу, она пальцами туго перехватив переносицу еле сдерживала предательский чих: боялась как бы чиханием не спугнуть влюбленную пару. Шебуться в темноте, Авдотья, незаметно удалилась с огорода. Прилегли на постель к мужу, Емельяну, человеку по натуре своей, тихому и безразличному, она шептала ему в полусонное ухо: «Я заметила Наташенька с женишком прогоркнули в огород. Я, да туда с подглядыванием! Гляжу, а они в обнимку сидят и ногами побалтывают! Сидят, любезничают, природой любуются!» «Ну и пусть сидят!» – только и мог сказать совсем засыпающий Емельян.

Не изреченное наслаждение, в буйной юности, весенней ночью, втайне от людских глаз, влюбленно, вдвоем сидеть на скамеечке под цветущей черемухой, и перемешивать душевный разговор, взаимными трепетно-сладостными поцелуями. Применив свою начитанность из книг и журналов, Санька сидя в обнимку с Наташкой, посвящал в ее в знания

астрономии. Наблюдая вместе с ней за звездами, он сказал ей: «А знаешь, Наташа, на небе есть такая планета, как наша Земля! Марсом называется. Так вот, на самом этом Марсе, как и на Земле, тоже люди живут. Марсианами называются...». Продолжая рассказ о марсианах, Санька прильнув ближе к Наташке, потянулся к ней, чтоб поцеловать ее. Не уклоняясь, но словесно она шепнула ему на ухо:

– Не надо, а то увидят!

– Никто не увидит. Видишь, вокруг темнота-то какая! – возразил Санька.

– А с Марса-то, могут подглядеть шутливо заметила она, – ласточкой прощепетав, над его ухом, любезные слова в перемешку с веселым смехом. Санька доволен был тем, что с первого урока Наташка заимела элементарные познания в астрономии, и за это-то он еще раз крепко поцеловал ее в губы.

– Ты меня, Сань, своими разговорами совсем завлек. Я даже очаровалась тобой! – душевно торжествуя, призналась она ему. Увлеченные взаимной любовью, они даже и не заметили, как пролюбезничали до утра, вплоть до самой зари.

– Наташ, погляди-ка – зорька-то какая! Заглядеться можно, румяная как щеки у тебя! – льстиво высказал Санька.

– А я, дуреха, не понимаю в этих зорьках, ровнехонько ничего! – плечом прижимаясь к Саньке, проговорила Наташка.

– Все бы ничего, да только, меня папа завтра посылает в поле. Одного пахать к самой Баусихи, – с жалобой в голосе проговорил Санька.

– Эх, а мне завтра, кстати, туда обед тятеньке нести надо. Он уедет рано. Маманька не успеет ему завтрак сварить. Он тоже пахать будет.

– Наш загон-то около овражка «Ореховых штанов». Ну так, приходи тогда ко мне на пашню-то! – озаренный мыслью, предложил он ей.

– А как найти-то там тебя? – с наивностью спросила она.

– Коль захочешь, то найдешь! – кратко заметил он. – Когда я в поле поеду, захвачу палочку и ножечек. При выезде из села, сидя в телеге, буду тесать эту палочку, а стружечки бросать на дорогу. Людям-то невдомек, а ты, по ним-то и найдешь меня в поле. Ну поняла, что-ли?

– Все поняла, так и сделаю, – согласилась Наташка. После этой взаимной договоренности, они разошлись по домам, их обоих сморил сон. Санька спал и во сне у него сладило на губах от первого поцелуя. Не успел Санька выспаться, как его отец разбудил утром рано. Не хотелось ему отрываться от сладкого сна, не хотелось подниматься из-под теплой постели и пригретой головой подушки. Спросонья, позевывая, он дремотно расхаживал по избе, вид у него был вялый и курепаный.

– А ты разгуливайся, глаза ото сна все заплыли! Умойся холодной водой и весь сон пройдет! Наверно всю ночь прошлялся, вот сонливость тебя и одолевает, а ведь, кесь, я тебе баял, чтоб долго не загуливался! – брюзжал на Саньку отец. – Ну собирайся, выходи, а я запрягать пойду. Плуг уже на те-

леге!

Как и договорились с Наташкой, Санька при выезде из села начал тесать палочку, обвешив стружками дорогу до самого своего загона. Приехав на место Санька, в долу «Шিশколе» выпряг лошадь, поставив телегу на цветущем лужке. Перепрягнув лошадь, в оральный хомут с постромками и зацепив плуг, приступил к пашне...

Вырядившись во все новенькое, Наташка с форсом проплыла по улице, направляясь в поле, в кошёлке неся обед отцу. Она так нарядилась, не для глаз всех, а только для глаз Саньки, чтобы еще сильнее ему понравиться. При выходе из села, Наташка, сразу же увидела на дороге заветные стружечки. Наклоняясь, подняла одну и озираясь кругом, чтобы это было в тайне, любезно поцеловала ее.

По дороге войдя на пригорок, миновав «большую дорогу», она стала пристально вглядываться вдаль, в надежде взором отыскать серую лошадь, на которой пахал Санька. Ее ни так интересовала своя карья пашущая лошадь, а серая, за которой держась за поручни плуга, должен шествовать ее любимый Санька. Встречь солнца ничего не видно, она ковшиком сложив ладонь, приложила ее ко лбу, в виде козырька, стала пристальнее вглядываться в волнисто-текущую маревом даль. От встречного, резвого ветерка, глаза у нее за слезились, зарябило в глазах, взор ее туманно на время за слепился. Тягучее-волнистое марево, досадно искажало фигуры лошадей и пахарей. Ее взору, как на грех, представля-

лись больше то карие, то гнедые лошади, а серая как-бы издевательски, долго, не попадала под её устремленный вдаль взор. Наконец-то, на краю поля, глазами своими она уловила нужный ей цвет лошадиной масти, и знакомую фигуру Саньки. Радостно улыбнувшись, она ускорила шаг и незаметно для себя, очутилась около поросли орешника, вязов и кленов, овражка «Ореховых штанов», где пахал её отец. Отцу, Наташка принесла обед и в бураке ядреного холодного квасу.

– Тятеньк, я пойду схожу на поселок Баусиху? Узнаю, как там моя подруга Зойка живет? – спросила Наташка у отца.

– Возьми да и сходи! – не возражая согласился Емельян.

Она подошла к месту пашни Саньки, по оврагу, так что Санька и не заметил ее прихода. Шагая за плугом по борозде, он в это время удалялся в дальний конец загона. Она невольно, заметила, как у удаляющегося Саньки, сверкает оголенное место в дырке, пониже поясницы, на самой ягодице. Эта дырка в штанине, у Саньки, образовалась сегодня утром, когда он стал снимать с телеги плуг – нечаянно задел плужным зацепом за штанину: треснула непрочная материя и образовалась дырка в форме сапожка. Завиднелось из дырки голое тело, но в поле не в селе – люди не видят и он тут же успокоившись забыл о ней. Издали, завидя Наташку Санька обрадовался, повеселев, ускоренно зашагал по борозде, задорно прикрикнув на Серого: «Но!»

– Пришла! Нашла! – путаясь в словах проговорил, улыбаясь, Санька подъезжая с плугом к телеге и вонзив плуг в

упругую дернину луга. Он пустил лошадь попасть на лужок, а сам бросился к Наташке, нежно обнимая и лаская, не спрашивая стал крепко целовать ее. Они присели на лужайке в тени под телегой. Полулежа Санька прильнув к Наташке, любезно проговорил:

– Я что-те не пойму, откуда исходит такой приятный запах? Или от цветков, или от твоих волос?

– Наверно от цветов. Ведь их вон сколько вокруг нас, по лужайке-то! – с нежностью ответила она. – Наташ, твои волосы пахнут лучше, чем любые цветы. Да и глаза-то у тебя, как цветы «анютины глазки»! Наташины глазки! – любовно улыбаясь поправил он себя, на что они блаженно млея рассмеялись.

– Эх я и уморилась, пока сюда шла. Да и ночью не выспалась. Меня в сон, что-то клонит, разомлело, – проговорила она.

– А ты возьми да и усни под телегой-то, а я пахать поеду, – подсказал он ей, поднявшись на ноги и направляясь к лошади.

Объехав два круга, Санька, чтоб не разбудить Наташку, на цыпочках подкрался к телеге. Распластавшись на лужайке, в тени под телегой, на отмах откинув правую руку, наискось слегка, она спала. От равномерного дыхания, мерно поднималась и опускалась ее пышная грудь, на румяную щеку из полуоткрытого рта, текла тягучая слюнка. Все тело, и сердце Саньки, объял неудержимой азарт, во всем этом появилась

неуемная дрожь влечения к ней, во рту запылала твердовая сухмень. Еле сдерживая себя на месте, любуясь спящей ею, в порыве, он едва не бросился к ней, но поборов себя сдержался...

После посещения его в поле, в их взаимно дружеских отношениях, был забит первый колышек.

– Тебе Саньк, невеста поклон прислала! – как-то, однажды, сказала ему сестра Манька, когда он уже будучи дома и стоя перед зеркалом, старательно выдавливал угри на лице.

– Какая невеста? – как-бы усомневшись спросил он.

– Как, какая? Чай сам знаешь, кто у тебя невеста-то Наташка Статникова!

Пожар на Бутырке. Сев

Досевать яровые, Василий Ефимович, в поле снова взял Ваньку. Этот день был пасмурный, хмурый, после обеда из туч напрашивался дождь. Рассеяв гречу, отец сменил Ваньку на бороньбе.

– Ты, ступай Вань в телегу, а я побороню. Вишь дождик накрапывает, – сказал и сам взялся за бороньбу. Василий Ефимович, предусмотрительно от дождя в поле, да и вообще, от нововведений в своем хозяйстве, свою новую, крашенную телегу, устроил в виде кибитки. По углам телеги, он прикрепил четыре стойки. Из брезентового, старого полога устроил над телегой крышу и получилась настоящая походная кибитка, спасающая от непогоды и дождя. В поле, спастись от дождя в кибитку Савельевых, сбегались приближенные пахари. Хвалил хозяина, за находчивость и разумное изобретательство в деле устройства, такой не хитрой по конструкции, но полезной кибитки. Последующие два дня были солнечны и жарки. Земля сохла, над горизонтом плавуче текло волнистое марево, в поднебесьи ликующе пели жаворонки. После обеда, Савельевы досевали последний загон. Василий Ефимович, размахисто раскидывал щепотками плывучее, скользкое семя льна. Вдруг, он почувствовал во всем теле своем, какую-то, неловкость. Пришлось остановиться, перемятисто пожать плечами, оглянуться на се-

ло. Из-за пригорка, за которым, скрывалось село, Василий Ефимович, заметил столб дыма. Ему, встревоженно, в сердце кольнуло: «Пожар!». А при виде пожара в своём селе, всяк, сначала, подумает: «не наш ли дом горит». Он в один момент подскочил к лошади, менее, чем за минуту снял с Серого оральную хомут с постромками, вскочил верхом, и хлестанув серого по боку, вихрем помчался по направлению к селу. Вымахнув на пригорок, около Большой дороги, он приостановил Серого. Пожарище полыхало левее церковной колокольни: «в Шегалеве горит?» – внутренне помнил Василий Ефимович. «Значит не на нашей улице!» – понаблюдав над пожаром он повернул лошадь и рысью, поскакал своему загону. Пожар на Бутырке, произошел из-за детской шалости. Ребятишки, подражая взрослым, задумали покурить. Они украдкой от взрослых, на задворках, вблизи построек, развели костёр. Подхваченные ветерком искры попали на подсохшую соломенную крышу двора. Взрослые, беду заметили, когда огнем была объята вся крыша двора и пожар остановить было уже невозможно. За каких-то час-полтора сгорело восемь домов. В некоторых, из которых сгорело все добро и домашние пожитки. Около дороги, баба, хозяйка пепелища, которое осталось от его дома и кучи невзрачного домашнего скарба, плаксиво жаловалась сгуртовавшимся около ее бабам: «Все сгорело, одеться не в чего! На-нет сгубили нас!», –едва выговаривала она дрожащими наряду с жалобой, шепчущими молитву губами.

– А отчего загорелось то? – спросил Ермолай, прибежавший на пожар с большим опозданием.

– От спички! – с неуместной шуткой ответил ему, кто-то из толпы.

– От детской шалости! – деловито заметил Иван.

Стройка Крестьяниновых. Семион. Пустынь

В Николу, 9/22 мая, принято у мотовиловцев ходить, пешком или ездить на лошадях на ярмарку. В этот ярмарочный день в Арзамасе на базарной площади, купцы торгуют всякой всячиной. Здесь изобилие всего. Как говорится можно купить все, что только душа желает. А для молодежи здесь полная лафа: карусели, попугаи, под музыку шарманки, вытаскивают из ящичка, пакетик «со счастьем» за пятак, здесь разные забавы и разные сладости, и все дешево и все задарма. Всюду идет бойкий торг, всюду играет музыка, всюду, наполненная веселостью, сытая публика. В день подторжья – вечером накануне ярмарки, около разнаряженной крутящейся карусели, парни и молодые мужики, небольшими кучками, увлеченно играют в вертушку – рулетку при свете свечи.

Маловата стала изба для семьи Крестьяниновых: мала по размеру, низок потолок, изношенный и обшварканный ногами пол, обшарпанные спинами незнающие обоев стены, да к тому же всю матицу короед изъел.

Воспользовавшись свободным от больших дел, временем перед сенокосом, Крестьяниновы решили созвать людей – лошадников на помощь съездить в Пустынь за струбами, где

Федор купил их заранее.

– Вели мужикам, для перевозки длинных бревен, в дроги – роспуска запрягать, иначе вершинки-то по земле будут волозиться, а в Сереже-то и вовсе застрячь можно! – назидательно наказывал дед, сыну Федору, когда тот собрался в обход сельчан-лошадников, с целью созыва их на помощь. – Без тебя знаю! – отмахнулся от отца Федор.

На помощь был приглашен и Семион Селиванов. «Вот уж, где я поем в сласть и досыта!» – подумалось Семиону, когда Федор захлопнул дверь, выходя из Семионовой избы. Слышит Семион, как в углу где-то за печкой, старательно щеберчет чиркун, на печи по щелям хлопотливо шелестят тараканы, по всей избе, воинственно гудят мухи. «Нет, а мне видимо свой дом построить не по зубам. Изба от ветхости, совсем села набок, совсем притулилась к соседскому двору». Недаром, люди подковыристым языком, частенько говаривали Семиону: «Ты Семион, своей избой, уж больно близко к соседу-то подъеферился. В случае пожара, вам обоим несдобровать». «Да люди перестраиваются, а мне, пожалуй, не огоревать!» – без радостные мысли, безотвязно лезли в захудалую Семионову голову. В его хозяйстве, все, неотвратимо, разваливалось, с каждым годом все хирело и хирело.

В его амбаре ни зернышка, даже кур поманить нечем. О своем хозяйстве Семион, даже в шутку говаривал: «Стали наши дела поправляться, стало земли от семян оставаться». «Трудно было пахарю, да легко жнецу!» – это он переина-

чил русскую пословицу, которая трактует о плодородии земли о том, как же тяжело мужику убирать свой тучный урожай. После засева, на Семионовских загонах, всходы недружные, хилые, не как у крепких, зажиточных мужиков. Однажды, в Ильин день, когда богобоязненные люди в церкви у обедни, зародилось у него в голове поганенькая мысль своровать десяток снопов с чужого загона на семена. Соблазнила его народная примета: якобы ворованное зерно дружнее всходит и урожай от него добротнее. И это не помогло... И что за диво. Человек усердно работает, а толку нету! «А так жить, только небо коптить!» – говорит русская пословица. Да и сам Семион осознает это, и бывая где-либо званым на пир, ненароком обнесут его; он обидчиво думал: «Эх ты доля, моя доля, доля бедняка! Самогонкой и то обносят!»

На другой день, в воскресенье, когда Марфа подоив корову-Жуковинку, стала цедить молоко из дойницы в крынки, нечаянно пролила на пол молоко. Кошка, с печки завидя белесь пролитого молока, мягко спрыгнув на пол, подскочив, с убережью принялась подлизывать молочную лужицу. Наевшись, она вспрыгнула на лавку, свернулась калачиком, безмятежно замурлыкала греясь на солнышке. Семион встав с кутника, где был послан его дыроватый кафтан пошел во двор запрягать свою пегую кобылу, в длинную телегу. Запрягши он уселся в телеге, задергал вожжами и зачмокав губами крикнул на лошадь: «Но-о-о! Милая поехали! Вон и люди на ролпусках подъезжаю к Крестьянинову окошку».

– Ну скорее поедemте, а то и так время-то много! – кликнул Николай Ершов подъезжая к остальным мужикам собравшимся со своими повозками около дома Крестьяниновых. В Пустыне, Николай Ершов, на скорую руку наложив на свою телегу бревен коротышей, увязав воз и отъехав в сторону, окликнул проходившего мимо мужика жителя Пустынь:

– Эй, мужик! Курево есть?!

– Есть! А что?

– Дай закурить, угости пожалуйста! Я свой-то дорогой выкурил.

– А хрена не хошь! Надо поменьше петь да свой иметь! – с явным недружелюбием отозвался Николаю незнакомец, подходя ближе к нему.

– Да ты понимаешь, у меня дома табаку-то, хоть возом бери, да вот не рассчитал, маловато в кисет насыпал – в дороге весь с мужиками выкурили.

– А ты бы больше захватывал! Ни только в кисет, а и в карманы насыпал бы! – укоризненно упрекал незнакомец Николая, умиловившись и передавая ему свой кисет.

– В случае, когда будешь в Мотовилове, да из табаку бедствовать, так заходи ко мне, отплачу, угощу за выручку! – прикуривая и пыща дымом проговорил Николай пустынцу.

– А где мне, в случае, искать-то тебя: где ты живешь? – поинтересовался мужик.

– Ищи в Европе – сразу найдешь! – с нескрываемым апломбом, горделиво усмехнувшись ответил Николай.

– Европа-то обширна! – шутиливо возразил тот.

– Ну тогда, катись в Россию.

– И Россия-то велика!

– Тогда обратись в Нижегородскую губернию и сразу же меня отыщешь!

– И она просторна!

– Тогда вот, что понаведывайся в Арзамас, а там тебе любой мужик скажет, в которой стороне село Мотовилово находится! Пока до Мотовилова то добираться немало лаптей поизносишь! – не отступая от закомуристого разговора, шутника Николая, передавал ему свои возражения, тоже видать балагур, пустынский мужик.

– А уж, если, ты окажешься в Мотовилове, тогда тебе любой ребенок скажет, где проживает Николай Сергеич Ершов! Кто он такой, что из себя представляет, чем занимается, что в хозяйстве имеет и какие планы в голове у него возникают. Вот тебе и весь мой адрист! – закончил свой витиеватый разговор Николай с незнакомым мужиком, – норовя выпросить у него еще табаку, чтоб было чего курить на обратном пути.

А в другой стороне, около увязавшего воз Семиона Селиванова шёл другой разговор. К Семиону подошел рыжий, пожилой, пустынский мужик и спросил его:

– Слушай-ка дедок, ты ведь из Мотовилова? Аа!

– А что?

– Дружок мой, там у вас проживает. Вместе с ним мы на

гражданской войне воевали. Не знай жив он, или нет?

– А кто он такой? – полюбопытствовал Семион.

– Гришка Семин!

– Как же, как же... Жив он. Живет он, как раз у меня в ж..е. Мой-то дом окошками-то в улицу глядит, а Гришка-то своим домом, мне как раз в зад упер. У нас дворы-то, видно, сполились. Гришка-то, еще, мне близким сродником доводится, а его-то мать Оксинья, мне троюродной сестрой доводится, а мы с Гришкой-то кумовья. А вообще-то он мне двоюродный племянник, – так с большими подробностями, разъяснял Семион, о родственных узах между им и Гришкой.

– Ты уж тогда, передай им с его бабой, по большущему привету от меня лично, скажи ему, мол твой друг из Пустыни Фролка Харитонов, приветы передал!

– Скажу, скажу. Непременно передам твои приветы Гришке, как только приеду домой, сразу и скажу!

– Ну вот, спасибо! – поблагодарил Фролка Семиона.

Всю дорогу, Семион твердил про себя, чтобы не забыть о фролкиной просьбе, а как стал подъезжать к Мотовилу, из головы выдуло, запомнил. По приезде на место и разгрузившись, мужики разъехались по домам, чтоб распрячь лошадей и снова собрались в доме Крестьяниновых, чтоб, после трудов праведных, выпить и закусить.

– Ты Семион Трофимыч, больно скоро опьянел! Не успели по первому выпить, а ты уж захмелел! – на ухо прогово-

рил Николай Ершов Семиону, сидевшему с ним рядом.

– Я с утра нежрамши, вот самогонка-то и бóрит. Вот это зараз стогочу и спать захочу! – подвигая к себе тарелку с жареной картошкой проговорил Семион Николаю.

– Смотри с голодухи-то не объешься! – полушутейно предупредил его Николай.

– А ты, что плохо закусываешь? – спросил Семион Николая.

– А зачем я много буду есть сейчас, коли завтра опять есть захочу, – отшутился Николай. – Я мясо мало ем, а вон какой толстяк! Любой мужик в меня влезет и во мне повернется, – самовосхваляюще проговорил Николай.

– Нет, а у меня с голодухи брюхо к спине подвело! Так-что, на чужбинку-то, я поем, у приволья-то досыта, доотвала!

И он дорвавшись до привольного хлеба навалился так, что чуть не объелся, еле успел на двор выпорхнуть. По прибытии со двора, Семион снова сел за стол и разговорившись стал восхвалять хозяина.

– Мне, Федор Васильич, твою выручку, перед богом не замолить. Помнишь, весной-то я к тебе с просьбой обратился насчет хлеба, а ты сказал: «Есть у меня немного залежалой ржи, разве выручить?» И выручил! Спасибо тебе за это, век не забуду! А мне только бы до жнитвы дотянуть, а там... И нынче вот у вас лафа! Ешь сколько душа желает! Спасибо Федор Васильич, – невнятно разглагольствовал подвыпив-

ший Семион. Вообще-то, он когда трезв, разговаривал мало, и в беседу ввязывался без особого азарта, с неохотой. Имея, свою манеру разговаривать с людьми, если она велась за столом, то он обычно облокотившись обеими руками о стол, закрывал рот и нос сложенными лодочкой, наподобие ракушки, ладонями. И когда ему нужно было, что-либо сказать, он размыкал “ракушку” и скупой выпустив несколько слов, ракушка снова закрывалась, до следующего изречения. А вообще-то среди разговаривающей компании сидел “букой”. Подали по третьему стакану. Семион с большим аппетитом поднес стакан к полуоткрытому рту. Сквозь доньшко стакана, видны были его увеличенные стеклом, лацкающие о края стакана, полусгнившие зубы и лакающий рот, со всеми его розоватыми внутренностями. К исходу он налычелся как Зюзя и и болтливо развязал язык.

– Когда я выпью, всех богаче бываю! – осмелев, басисто горланил он.

– Но ведь, богатство-то твое обманчиво, и только когда пьешь! – урезонил его хозяин дома Федор. – Вот ты баишь богатый бываешь, а сам баил, что у тебя копейки рисовой за душой нет! – ввязался в разговор Ершов.

– Как нет? – возразил Семион. – Я только вчера на улице нашел старинный медный пятак и не поднял его.

– А что?

– А так! Наклонился, глянул, а он кверху-то решкой летит.

– Ну и, что; поднимал бы и клал его в карман, чай реш-

ка-то непомята! – подзадоривал Семиона Николай.

– Как не помята! Ведь решка-то не к счастью!

– Эх ты, какой недогадливый! А ты бы поднял, в руках-то перевернул бы три раза. Вот и орлом бы он у тебя на ладони очутился, – поучал Семиона Николай.

– Ну я этого не знал, – спохватился Семион.

– Пойду его поищу может найду. Он в траве валялся. Я вот, удивляюсь, кто не пропивает, куда же деньги девают? – ни к кому не обращаясь спросил Семион.

– Я вот, например, крупные-то под матрас кладу, а мелкие-то курам, выбрасываю, а они их, что-то не клюют! – отшутился Николай. – А если, к примеру, в город за каким-либо, товаром ездить приходится, то семье своей, я каждый раз по калачу привожу. Вот денежки-то и расходуются, а ты говоришь: куда деньги деваются! – добавил к разговору о деньгах Ершов.

– А я вот, хотел было одеяло купить, а то одеваюсь шубой, а вголова-то кладу Дарьин кафтан, а оно непомерных денег стоит, а деньжонки-то в кармане присмирели. Но все же голицы новые купил! – с добродушной улыбкой высказался Федотов.

– Слушай-ка Семион Трофимыч, возьми у меня плуг на подержанье. Он мне пока не нужен, замени соху-то, я соху-то давно на дрова исковеркал! – расщедрившись под хмельком-то, предложил свой плуг Ершов Семону.

– А ты, что без плуга-то делать будешь? – поинтересовал-

ся Иван.

– Да так, решил без плуга, пропадай моя телега все четыре колеса! – поговоркой, отшутился Николай. – А по правде сказать, я собрался двухлемешный плуг приобрести. В журнале “Сам себе агроном” я вычитал, что такие плуга в Нижнем Новгороде продаются.

– Ты Миколай, видимо, хочешь по-новому, по-научному землю-то пахать, культурным хозяином заделаться намереваешься! – с нескрываемой иронией, высказался Иван Федотов.

– А то как же, агроном-то, что в прошлый раз на лекции-то говорил: «Пора кончать с темнотой и отсталостью в деревенском быту!»

– Что дело, то дело! – отозвался Иван.

– И я бы двухлемешный плуг купил, да кишка тонка – на простой-то денег не хватает. Приходится с сохой-матушкой не расставаться, – вставил свое слово Семион. – Да видно устарел я совсем. В молодости то, не я был большой охотник до бабьего струменту, а теперь повесь мне его на нос, не почую чем пахнет. – А сбавь мне годиков двадцать, я бы еще показал свою удаль и поучил бы кое-кого, как действовать среди баб. А теперь, таскай, мурзуй зубами, кошка, этот самый бабий струмент, я и брысь не скажу! –говоря это, Семион, и не чуял, как на его хрящеватом, с орлиной отвисью, носу, скопилась и надолго угнездилась, желтоватая капля, и как через дыроватые его штаны, половой вопрос просился

наружу. Не спрашивая разрешения хозяев, которые страстно не любят и не переносят табачного дыма в их избе, Семион закурил свою спутницу-трубку. Дед Василий, сидевший на кутнике и наблюдавший за опьяневшими мужиками, не выдержал, чтоб не сказать: «Курильщик, что собака, которая улучив свободную минуту, садится на землю и растопырившись начинает лизать свое неприглядное место. Так и курильщик, делать нечего, так он закуривает. Дымя коптит небо, прокапчивает внутренность, смердящим дымом, отравляет воздух, душит окружающих людей».

– А вон ученые бают, я это из журнала вычитал, что мы все, люди, от обезьян произошли, – как-бы между прочим высказал Николай Ершов.

– У-у-у! Мразь какая! Если бы я точно знал, что я в действительности от обезьян произошел то я, сейчас-же бы залез на колокольню и бросился бы оттуда вниз, положив на землю, где упаду борону кверху зубьями! – высказался по этому поводу Семион.

– Нет, вовсе, мы не от обезьяны произошли, а от Ноя! – вступил в разговор дед Василий. – Ведь после Ноевого-то потопа, осталось всего четыре мужика: сам Ной со старухой, да три его сына с женами. И вот доподлинно бы узнать от кого именно я произошел, от Сима, или от хама, или от Иафета. Тому, кто сказал бы мне правду я бы тысячу рублей дал бы! – восторженно проговорил Николай.

– Я тебе об этом достоверно могу сказать, с улыбкой вя-

зался в этот разговор, имеющий историческое значение, заинтересовавший всех, сказал Иван Федотов.

– Ну скажи, коль знаешь согласился Николай.

– От Сима, не мог произойти, потому, что ты не еврей, от Хама, тоже не мог, ты не хам, а значит, от Иафета.

– Пожалуй, это верно, так оно и должно быть, – согласился Николай.

– Ну давай тысичу-то, плати денежки-то, которые ты обещал! – потребовал Иван о Николая.

– У меня их нету! – иронически улыбнувшись отговорился Николай.

– Эх, неплохо бы сейчас рыбки половить! Поеду на лодке, посмотрю не попалось ли в мои морды, – полупьяно проговорил Семион, намереваясь выпросить последний стакан самогонки на дорогу. – Ты, Федор Васильич, налей-ка мне стакашок-посошок, да я и поплетусь по дворам.

Хозяин налил, Семион выпил, закусывая соленым огурцом. Семион не в меру опьянев уже не мог как следует справиться с огурцом, тот выскальзывал из его наполовину обеззубевшего рта, скользкие огуречные семечки застряли в его жидковатой бороде. Семион натужно поднялся с лавки, шатко качаясь затупотал к выходу. Но последний стакан, окончательно сморил его: не дойдя до двери он копырнувшись свалился, растянувшись около печки, угодив головой в угол, где занимая свое место лежал веник. Вскоре Семион заснул, разнося по всей избе богатырский храп. В пьяном просоньи,

он щупал и гладил, то свою бороду, то веник – видимо ему казалось, что он состязается с кем-то в величественности бород, и бормотал хвалясь во сне: “Нет моя борода лучше всех! Ни у кого нет такой бороды.”

Проспавшись, Семион поднял голову и сообразив, что не дома с кряхтением поднялся на ноги и выпросив опохмелиться поплелся домой. Опохмелительный стакан самогона сделал свое дело: снова опьянив Семионову голову. Не дойдя до дома, он в бесчувствии свалился в проулке, около забора, где растет жгучая крапива. Бежавший мимо, лохматый Митькин кобель Барбос, остановился около Семиона, с любопытством подошел, обнюхал мертвецки пьяного Семиона, с безразличием отвернулся, задрав ногу помочился на него и побежал дальше по своим собачьим делам.

– Ну, нахлестался, напоролся начужбинку-то! – с упреком встретила Семиона его Марфа, как только он пьяно ввалился в избу.

– Ну ты, старая карга помалкивай! Лежи на печи Баба-Яга!

– Да я и так живу да кряхчу... Уж совсем сторбилась. Пора мне и на огород воробьев пугать! Вся моя забава теперь перебирать в мыкальнике мотки пряжи, веретена, куделю да на печи полеживать! – признаваясь в своей беспомощной старости, самокритично отозвалась Марфа.

Допустила, как-то, Марфа оплошность. Однажды, после бани, изрядно напившись чаю, залезла она на печь погреться,

да так незаметно и заснула. Приснился ей сон будто она, спозаранку, выгоняет свою корову Жукавыньку в стадо. Припала корова к сочной уличной траве, растопырившись подняла хвост и открыв свой фонтан начала брызгать моча росистую траву. Глядя на корову, раззадорилась Марфа: для приличия отойдя к забору, тоже, стала опрастываться от излишней внутренней влаги. Чует Марфа, как затеплело у нее между ног, потекло по морщинистым ляжкам. Встревоженно очнулась Марфа; чует, что произошло неладное, на кирпичках-то образовалась лужица. Хотела Марфа свою вину скрыть от Семиона, да не вышло. Утречком полез он на печь погреть свои престарелые кости и обнаружил старухину оплошность. Пожурил он Марфу, назвав ее корякой и старой кочергой! В свое оправданье, Марфа не возмущаясь, только и проговорила: “Ну и, что за горе! Все в море будет!”

Однажды между ними: Семионом и Марфой произошел забавный случай. Семион, как и всегда почти не вынимая изо рта трубку, всегда дымил ею. И случилось же такое, что трубка у него в зубах подымила, подымила и угасла. Семиону вздумалось закурить, но он запамятав о том, что трубка у него в зубах начал искать ее. Обшарив карманы штанов, сунулся туда-сюда и трубку не обнаружив. Стал донимать Марфу не видела ли она где его трубку. Марфа же заметив, что трубка-то у него в зубах, решила подшутить над Семионом. Она потешаясь над ним, начала с ехидством разыгрывать старика:

– Ты разве не знаешь, что я из твоей-то трубки сейчас, только курила! – эта издевательская старухина речь, не на шутку начинала раздражать Семиона.

– А ты скажи прямо, без подковырок, видела мою трубку, или нет?

– Как же, видела! На ней волки в лес поехали! – нахально издеваясь проговорила Марфа.

– А ты пощупай в зубах-то! Не твоя ли трубка, торчит у тебя во рту-то! – наконец прекратила растерянность в поисках деда. Под старость, он стал каким-то растерянным и крепким на уши. Да и она под старость-то, согнувшись коромыслом, ослабла глазами, не могла нитку в иглу вздеть. Марфа, с детства природой обижена, еще будучи ребенком она лишилась матери. С детства познала нужду и бедность. Росла сиротой. Мать ее, Лукерья семерых народила, а будучи ею, Марфой, беременной, с большим трудом разроживалась.

Сначала ее через хомут протащили, но это не помогло. Потом повитуха стала со всей силой приросшее место драть, – выдрала, а роженица через сутки, как говорится, лапти вздернула. А в этом все цыганка виновата, это она Марфину мать заколдовала, сказав ей: «Чтоб тебе не разродиться!» – за то, что Марфина мать Секлетее, в бытность свою, отказала, не подала милостыню цыганке, которая просила у нее подать что-нибудь из одеянья. Да и Семион, под старость лет стал не лучше своей Марфы, после того, как он побывал на помочехе, у него частенько стало прибаливать

брюхо. Часто получался то запор, то неудержимый понос, так что он едва успевал застегивать штаны: то выбегая на двор, то вбегая обратно в избу.

Ванька на пашне. Один в поле

В этот день, отец разбудил Ваньку рано, солнышко едва показалось из-за крыш изб.

– Поезжай, в поле за большую дорогу. Спаши те два загона под пар, которые я тебе третьёво дни указал. Тебе уж одиннадцатый год попер так, что смыслишь. Поезжай и спашешь, я лошадь-то уже запряг, – сквозь дремотный сон наговаривал отец в уши Ваньки.

– Чего с него еще взять-то! Он ведь еще совсем ребенок! – плаксиво заступилась за Ваньку мать. Эти слова всполыхнули Ваньку, он оторвавшись от подушки и вылезши из-под теплого одеяла стал обуваться, в лапти. Развяленный сном, он позевывая лениво расхаживался по избе, по-стариковски шаркая ногами. Отец, раздраженный тем, что мать защитительно вступилась Ваньку, с большей строгостью, напутственно наговаривал Ваньке:

– Второй-то наш загон вклинился в болото Ендовин, место приметное, ты его сразу найдешь, а первый-то я тебе показывал: он концом-то в коровье болото уперся, так что его найти можно с завязанными глазами. А начинай пахать-то с того который у коровьего болота, а там и к Ендовину переедешь! – назидательно наказывал отец Ваньке. – А чтоб с сонливостью-то расстаться, поди умойся из лошадиной колоды и сон как рукой с тебя сымет! В общем поезжай и паши!

Мать, старательно и сердобольно укладывала в кошель на обед в поле Ваньке. Она положила пирогов, кусок вареного мяса и две бутылки молока. Не торопясь ехал Ванька в поле. Пока он ехал до коровьего болота, вдоволь наслушался жаворонечьего пения. Поднимающееся ввысь солнышко ласково пригревало его кудрявую голову, ветерок поигрывал прядями колечками завитыми его волос. Серый, чуя что на телеге сидит не сам старшой хозяин, а молодой невзыскательный хозяин Ванька, с ленцой шагал по проторенной лошадиными копытами тропинке дороги. День обещал быть жарким: на небе ни одного облачка. Солнце с утра пригревало землю упорно выжимая из нее влагу. Видит Ванька, как на пригорке, около взгорья у большой дороги, игриво колышется, волнисто-струистое марево. Вот и Коровье болото, до деревни Михайловки рукой подать, издали видно, как по улице ее, дурашливо бегают телята, слышно, как там поют петухи. Перво-наперво, Ванька сунулся искать загон. Он сразу же отыскал его, глазами заметя свою знакомую и родную мету, по форме похожую на санной полоз. Выпрягши Серого из телеги, и запрягши его в постромки, он снял плуг с телеги и зацепил его за валец постромок. По примеру отца, перед началом пашни, Ванька троекратно осенил грудь свою крестным знаменем и пустился в пашню. Он то и дело, строго и властно покрикивал на Серого: «Ближе! Ближе, тебе говорят! Вылезь! Вылезь! У дьявол!» – досадливо орал Ванька на Серого, когда тот нечаянно вступал в борозду. Черно-ворон-

ные грачи, перелетая с места на место следовали за Ванькой, они важно расшагивая по борозде, хлопотливо отыскивали червей, набивая ими свои запасники – зобы, предварительно очистив их от прилипшей земли пропуская червей сквозь пальцы ног. На передышку, Ванька пустил лошадь на затравившийся зеленый рубежок попасться, а сам с мыслью в голове: «Не пора ли на кашель поглядеть!» присев около телеги принялся за завтрак. Очистив от скорлупы яйцо, он целиком засунул его в рот: у него поперхнуло, он закашлялся, чуть не подавился, попавшими кусочками яйца не в то горло. Выпив молока из горлышка бутылки, тщательно разжевав Ванька оправился от кашля, вытерев слезы с глаз, которые навязчиво заслоняли зрение. После плотного завтрака, Ванька снова принялся за дело, а дело шло у него хорошо, Серый бойко шагал легко таща за собой отлаженный плуг. «Какой, вокруг, простор – глазами не окинешь! Какая даль – глазами не достанешь!» – размышлял про себя Ванька, оглядывая поле, по которому где-нигде, пахали мужики свои загоны, размеренно шагая за плугом. Иногда вдалеке, выволоченный из земли плуг, отполированным до зеркальности, отвалом, отбрасывал отблеск солнечного луча, который ослепляюще попадал в глаза.

К обеденной поре, Ванька кое-как, одолел первый загон: жара, зной, слепни, стали гнетуще действовать, на приуставшего уже Ваньку. Закончив пашню первого загона он решил тут же переезжать на второй загон к Ендовину: там пруд с

водой, где можно искупаться, да и ближе к дому. Ванька, кое-как запряг лошадь в телегу, с большим трудом перекинул неподильную дугу, а вот с плугом большая задача. Из-за значительной его весомости, плуг никак не поддавался усилиям Ваньки из сил старающемуся ввалить его на телегу. Изобретательность помогла Ваньке: он поручнями, плуг упер на грядку телеги, руками цепко ухватился за грядиль и докрасна напрыжившись с большой натугой вворотил плуг на телегу. Переехав к Ендовину Ванька, стал разыскивать свой загон. Обежал немалое пространство, а своей меты он не мог обнаружить. С досады Ванька заплакал присев на бугорок рубежка. Вытирая слезы, грязной ладонью, он размазал по всему лицу грязные потеки. К Ванькину счастью проезжал мимо мужик.

– Что ты плачешь!

– За-а-гон свой не найду! – сквозь слезы, всхлипывая ответил Ванька.

– Вот она ваша-то выть-то! Тут где-то и ваш загон должен быть поблизости!

С помощью мужика Ванька, наконец-то отыскал свой загон. При виде своей фамильной меты у него сразу же отлегло от сердца, повеселело на душе. Паша, Ванька объехал два круга, положил начало пашни второго загона, выпряг Серого на обед, пустив его в болото привязав за возжи к телеге, чтоб не убежал. Первым делом, перед обедом Ванька решил искупаться в пруду, который расположился на середине обшир-

ного болота называемого Ендовин.

Полуденная жара, немилосердно палили все вокруг: Земля припекаемая палящими солнечными лучами изнывая, томилась в зное. Ванька искупавшись в пруду, решил искупать и лошадь. Серый с большим удовольствием зашел в воду. Напившись он блаженно всхрапывал, когда Ванька брызжа на него воду мыл ему запыленные бока. Вылезши из воды, Серый судорожно встряхнувшись всем телом принялся за траву. А Ванька взмутив воду в пруду, принялся ловить руками рыбу, которой в пруде было немало. Искупавшись и пообедав, Ванька прилег под телегой отдохнуть и не заметил, как заснул. Он проспал не долго, проснулся от того, как над самым ухом ощутил теплые и мягкие губы Серого. Обеспокоившись о том, что много потерял времени на послеобеденный сон, он поспешно запряг лошадь в плуг и стал пахать. На послеобеденной пахоте, у Ваньки пошли, разного рода, неполадки. Плуг, после обеда, не хотел пахать, как раньше, а лез в глубину, вспарывая землю чуть-ли не в пол аршина. Серый натужно пыхтя тащил плуг, весь вспотел, часто вставал в борозде. Не поняв в чем дело, Ванька совсем выбился из сил. Срывая досаду на лошади, он во все поле ругался на Серого и готов был каждую минуту расплакаться.

– Что ты сынок так разгневался? – спросил Ваньку проезжавший мимо его Венедикт Поляков.

– У меня плуг что-то испрокудился, – сквозь слезы разжаловался Ванька. – Лезет вглубь и лошадь вся в мыле! Никак

наладить не могу; до обеда пахал хорошо, а сейчас отказался!

Венедикт остановив лошадь поближе подошел к вышедшему из терпения Ваньке:

– Да тут, видимо, дело-то вовсе не в плуге, а в запряжке. До обеда-то, говоришь хорошо пахал?

– Да-а! Нормально! – протянул Ванька.

– Ты сам запрягал в постромки-то?

– А кто же? Конечно сам!

– Ну, так видишь, как долго́ ты запряг, поэтому-то плуг-то и лезет в глубь. Надо так запрягать, чтобы вале́к едва не касался ног лошади, – поучительно наговаривал Венедикт Ваньке, устраняя неполадки в запряжке.

– Ну, пошел! Пробуй-ка!

Ванька взявшись за поручни плуга, прикрикнул на лошадь. «Но-о! Вот это совсем другое дело!» – проговорил Ванька, когда увидел, что плуг, пошел легко, на нужной глубине.

– Ну большое тебе спасибо дядя Венедикт, а то хоть плачь.

А солнце беспощадно палит, и палит, нестерпимый зной, после обеда вроде бы на много усилился, совсем изнуряя и людей и лошадей трудящихся на пашне. Застрявшее на небе единственное небольшое облачко лениво ползло, медленно подвигалось к солнцу. Ванька, млея от жары, изнемогая от палящего зноя, в благодатной надежде поджидал, наплыва на него медленно ползущей по земле, тени от этого

единственного облачка. От палящих, жгучих лучей солнца, Ванька пробовал спрятаться под брюхом у лошади, но тень в эту пору дня, было недостаточной, чтоб укрыться от зноя. Да к тому же, налетевшие слепни бесщадно кусали лошадь, которая беспрестанно топала ногами отгоняя от себя надоедливых слепней, того и гляди лягнёт. Дождавшись наплыва тени от облачка, Ванька блаженно вздохнув, всем телом ощутив приятную прохладу тени. Но тень не стояла на одном месте, она медленно, но постепенно уплывала, угрожая Ваньке, снова открыть его перед палящим солнышком. Чтобы подольше насладиться прохладой, Ванька медленно зашагал вслед уплывающей тени, скрываясь под ее живительной прохладой. Лошадь с плугом, оказались снова под палящими солнечными лучами, а Ванька, топая лаптями по вспаханной земле, отошел от лошади с добрых пол версты. Не хотелось ему покидать приятную прохладу тени, но ведь не пойдешь же за ней до края поля, надо же возвращаться к плугу и снова пахать и пахать. Хотя тень-то и под телегой есть и Ванька пробовал воспользоваться ею, но она не дает приятной прохлады и под телегой Ванька только разозлился. На лошадь набросился целый рой слепней и принялись безжалостно жалить бедное безотказное животное. Мотая головой, беспрестанно топая ногами, работая хвостом, Серый всячески старался отпугнуть наседающих паразитов, но они беспощадно кусали его, впиваясь в тело, прокусывая кожу. Жалеючи лошадь, Ванька принялся отпугивать слепней от

Серого, он бил их ладонью громко хлопая по спине и бокам лошади. Он ловил их руками и придавал казни. – Эх, а вот этот какой большой попался с воробья будет. Ну я тебя так не отпущу: соломину в зад и полетай куда знаешь! Ванька немало уничтожил слепней, около лошади. Прихлопнув, ладонью на лошадином крупу, слепня значительного размера проговорил: – Видать этого уложил последнего! А ну, который еще хочет покусать моего Серого, налетай! – вызывающе крикнул Ванька. А тут еще вздумалось Серому повалиться на прогретой солнцем пашне. Опустившись на подломленные в коленях, передние ноги, и растянувшись на комковой пашне, Серый, с блаженным похрапыванием принялся валяться. Высоко взбрыкивая ногами, блестя на солнце отполированными подковами. Постромки и вожжи перепутались, валец хряснув, переломился пополам. При виде перепутанной упряжки и сломавшегося валька у Ваньки тяжело стало на душе. От досады на глазах появились слезы. Подняв пинками Серого, Ванька кое-как распутал вожжи, водворил Серого в постромки, но как быть без валька, а пахать надо; с незавершенной пашней домой лучше не возвращаться – отец даст взбучку.

– Ну, тебе Ваньк повезло! – вдруг услышал он голос приехавшего сюда также пахать Ивана Федотова невдалеке откуда сосед наблюдал, как Ванька хлопотливо и раздраженно до слез, распутывал постромки с вожжами и видя сломленный валец у Ваньки. – Поди вот возьми валец! На твое счастье, у

меня в телеге запасной есть добавил Иван. Ванька с радостью побежал к ивановой телеге и он с помощью шабра заменил сломанный валец. И снова, под палящим солнцем изнурительная пашня. Нестерпимый зной, выжимал из худалого тела Ваньки, надоедливый пот, рубаху хоть выжимай. Ванька, то и дело останавливал Серого, бежал к пруду чтоб напиться. Расшугав лягушек и голованов, Ванька припадал грудью к бережку и жадно впивал в себя мутноватую прогретую воду. Благо питье-то под руками – пей вдоволь, сколь душа пожелает, а то вспомнилось ему, как он один в прошлом году так же пахал в поле, и захваченную из дома воду для питья извел на то, чтобы выдворить из норы суслика. Израсходовав на это всю воду, суслик так и не вылез из норы, а сам Ванька из-за этого остался не пивши, не допахал до вечера и он вернулся. «Чего так рано приехал? – спросил его отец. – Там в поле-то настигла туча!» – соврал тогда Ванька.

Наморившийся на пашне, Серый, чуя близость воды, самовольно и неудержимо, ускоренным шагом бросился к пруду. Натянутые подтянутые к хомут поводья оброти, не выдержав напряжения лопнули. Серый с жадностью припадал к воде. Слышно было, как вода, громко и ритмично булькала у Серого в горле, зримо было как она, шариками прокатываясь под кожей шеи. Напившись, Серый поднял морду от воды и завистливым взором глядел на ту сторону пруда, где виднелась густая зелень сочной травы, в раздумье жуя остатки воды во рту. С его волосатых губ, с бульканьем пада-

ли капли в воду. Воспользовавшись минутным отдыхом по случаю пойки лошади, Ванька окинул взором простор поля; одиноко растущий ясеневый куст у мокрой грани и одинокую, исковерканную молнией березу, стоявшую на большой дороге, Которая как бы манила к себе, в тень своей кроны, укрыться от беспощадно палящего солнца. Видит Ванька, как по большой дороге двигаясь от Ломовки поднимаясь на пригорке, вихрь. Вздуродраженная, коловертью придорожная пыль мрачным, черный, подвижным столбом поднялась ввысь, чуть-ли не до облаков, сопутствуясь мельтешисто крутящимися в воздухе, отдельными былинками и мусором. Весь этот день был уморительно жаркий, но Ванька на пашне выдюжил и пашню закончил до вечера. «Утром, солнышко лениво поднимается в высь неба, как бы в гору, а вечером, оно веселее катится под уклон небосвода» – заметил Ванька. При взваливании плуга на телегу, задел рубахой за грядиль плуга, рубаха разорвалась до самой шей. От полевого отдыха, лежания пылающей грудью на сыроватой земле, Ванька настыл, зачмыкал носом. На дуге примостился и едет вместе с Ванькой большой слепень. – А ты зачем на дуге уселся!! Полетай а то заплутаешься! – согнал вожжей слепня Ванька! Намотавшись за день, намучавшись на пашне и закончив ее, Ванька с чувством удовлетворенности, усталый возвращался в село.

– Пап, я оба загона вспахал: – доложил он отцу, при подъезде к дому.

– Ну вот и молодец! – похвалил его отец, распрягая лошадь.

Панька. Курение

Во время, стройки нового дома, Федор Крестьянников, послал сына Паньку в поле боронить загоны под пар. Панька с радостью принял поручение отца. Он намеревался без преследования, покурить в поле всласть и досыта, спрятав табак под хомутную подкладку, так как отец перед отбытием в поле, Паньку обыскал, обшарив его карманы, в поисках обличительных признаков курева в поле. Бороня Панька то и знай останавливал лошадь доставал из кармана кисет с бумагой, завертывал самокрутку и закуривал, вольготно наслаждаясь табачным дымком, вдосталь захапывая его в себе и никто его не преследует, никто не ругает и никто не дает подзатыльников. Вспомнилось Паньке, как однажды его отец врасплох застал курящим папиросу. Панька, тогда инстинктивно зыркнул глазами на открывающуюся дверь, в темном преддверии сеней стоял отец. Поспешно выплюнув окурочек на пол, Панька суетливо затормашился, маскируя свой проступок скорчив на роже дьявольскую гримасу. Он хотел удрать, но было поздно. Прегради путь к бегству, отец схватив Паньку за шиворот, как провинившуюся кошку, строго спросил: «Давно куришь?! – Я вовсе не курил, а учился свистать!» – глупо и неубедительно начал было оправдываться Панька. «А ну-ка дыхни на меня!» – наступал отец на него. Перепуганный Панька, изобразительно не выдыхая, а наоборот, вдыхая в

себе воздух широко раскрытым ртом, делая вид, что дышит на отца. Всячески стараясь задержать в себе предательски вонючий табачный запах.

– Говори резонно: курил ай нет?! – грозно напирал отец на побелевшего от страха Панька.

– Из него, зря-то, ты не высосешь! – заметил дед Федору, – ясное дело напоролся. Слышь, как ото пса табачищем разит!

Два увесистых пинка в бока Паньки прекратили дальнейшие бесполезные расспросы.

– Что бы у тебя утробу-то, выворотило от этого, пакостного дыма! – язвительно продолжал упрекать отец Паньку, поддавая ему подзатыльников.

Также вспомнилось Паньке, как в прошлом году, находясь так же на борожьбе в поле, ему пришлось пробыть весь день без курива, забыл дома кисет с табаком. Пришлось попросить покурить у Ваньки Гугуна, тоже боронившего поблизости от него. Тот выручил, дал, обслюнявленный окурочок. Панька взял из рук Ваньки и всунул его себе в рот! Принялся сладостно затягиваться едким дымом, плямкая губами. При втягивании в себя воздуха, огонь в окурке усиливался, табак горел с треском, сизый пепел падал на землю. Окурочок был до того мал, что прилипнув к нижней губе до боли обжигал ее. Дым тонкой едкой струйкой, навязчиво лез в глаза, вызывая слезы, отчего Панька и скосив голову на бок, чурил один глаз, избегая попадания в него дыма. Накурившись Панька с Ванькой, пробуя силы, начали бороться. Ванька-Гугун, об-

ладая тучностью тела и силой, повалил Паньку на землю; да так неловко, что Паньке вывихнул руку в локте. Тут уж не до борьбы; сел Панька верхом на лошади и уехал домой. Отправляясь к костоправке бабушке Марфе, Панька соврал отцу, что руку-то он вывихнул, не во время борьбы, а упал с лошади. Несколько дней спустя Панька вспомнив, о том, что Ванька-Гугун, давал ему покурить в поле, он оплатил ему, встретив его на берегу озера, около амбаров.

– Ваньк, помнишь ты меня выручил, дал покурить в поле-то? На я тебе долг возвращаю! – и он, место табака, на протянутую Ванькину ладонь мазнул жидким телячьим пометом, заранее приготовленным им для этой цели.

–У-у-у! Варвар, – отряхивая ладонь, пробурчал Ванька. О морально-нравственном состоянии характера и духа Паньки, можно судить по тому факту, о котором он сам рассказывал товарищам. Как в летнее время, когда его отец с матерью, в сенях спали под пологом, он с вечера забирался под кровать, где они спали, задыхаясь от едкой пыли и запахом мышачины, еле сдерживая себя, чтоб не расчихаться, а зажав себе рот притаившись, терпеливо выслушал их потайные супружеские разговоры, выведывая, не говорят ли они чего порочащего, про него, про Паньку. Входя в юношеские года и крепнув силой Панька стал дерзок и задирист. Както, во время игры в карты на деньги, в очко, дошла очередь до Паньки банковать. С видом деловитости он раздав всем игрокам в кругу по карте и положив карту себе, «взрезал»

карту на колоде. Обыграв весь круг и набирая очки «себе», стал с изобретательной осторожностью ощупывая каждую нижнюю карту. Но его нахальная хитрость была разоблачена Федькой Лабиным. Купленные в лавке, новые карты, Панька предусмотрительно наколол, с надеждой на явный обман в игре и легкий выигрыш. Пошли споры и перебранка, превратившаяся в потасовку, которая переросла в драку. Санька Шевирушка игравший тут же, в шутку заметил по поводу драки: «Вот, открылась французская борьба без намордника!»

Как-то однажды Осип Батманов, рыл у себя в огороде яму под ветлой и обнаружил там, спрятанный кем-то в корнях дерева наган. находку Осип продал Паньке за червонец. Приобретши такую игрушку Панька не выдержал, чтобы не похвалиться ею перед товарищами.

– А зачем он тебе понадобился? – спросил Паньку, Санька Федотов.

– Как это зачем: украшение кармана, да и так... С ним ходить гулять не боязно, – невозмутимо отговорился Панька. Панька, почистив наган шкуркой до блеска, пробовал его, пристреливал, прицеливаясь в кур и убивал их, фигуристом насвистывая от радости. Прятал Панька свою забаву, в огороде на вершине березы в дупле. Озираясь по сторонам, с боязнью, кабы кто не подглядел, он залезал на березу и там прятал его, чтоб всегда иметь доступ к нему.

– Эт куда тебя нечистая-то сила занесла! Куда тебя врага

занесло! Ишь куда вздеберяшился, – грозно заворчал на него отец, выходя из задних ворот со двора в огород и заметя, почти на самой макушке березы Паньку. – Упадешь, хрип сломишь! Слезай! Тебе говорят! Слезь варвар! – ругался отец. – Что ты там лазишь, как супостат! Сучки ломаешь!

А Панька неторопливо слезая с березы оправдывался перед отцом:

– Это я тять, лазил глядел где стадо в поле пасется. Убеждался – корова наша в табуне ли! – с изысканной хитростью и уловками умилоствлял отца Панька. Панька отличался и дерзостью языка в обращении с людьми. Как-то, спросил его незнакомый парень из Шегалева:

– Ты парень чей?

– Из дыры казначей! – бойко выпалил Панька.

– А я знаю откуда бабы родят, – как-бы между прочим сказал парень.

– И я знаю.

– От куда?

– Из уха!

Новый дом Крестьяниновых.

Заботы Анны

Стройка нового дома у Крестьяниновых шла полным ходом. Старый дом сломан, на его месте возводился новый, более обширный. Звеня, топорами, плотники тесали бревна, готовили матицу, строгали отлаженные протес и тёс.

– Бог – помощь! – поприветствовал плотников, проходящий мимо по улице мужик.

– Бог спасет! – отозвался старшой артели Иван Потемкин.

– Чего строите?

– Чай, сам видишь – дом!

– Ты Василий Тимофеевич тут чем занимаешься? – спросил мужик хлопотавшего тут же, но несколько в стороне Муратова.

– Да вот хотел брёвнышко затаранить на подложки, а одному-то не сподручно и тяжело. Бревно-то сопротивляется! Ты случайно не поможешь мне!

– Давай, помогу! – согласился мужик.

– Ты берись за комель, а я ухвачусь за вершинку! И дело с концом!

– Раз, два, взяли!

– Гляди-ка, у двоих-то совсем дело лучше пошло, а то я один-то пыхтел, карячился, надрывался; чуть пупок не надо-

рвал, а дело-то отбивалось! – с облегчением вздохнул Мура-
тов. Собрав стопу сруба, плотники, по наклонным покатам,
на верх затаскивали последние охлупные брёвна.

– Ну! Хозяин, готовь четверть самогонки! Сейчас матицу
затаскивать будем! – улыбаясь предупредил Иван Федора.

– За самогонкой дело не встанет! – с довольством отозвал-
ся Федор. Плотники, вцепившись всей артелью, в толстен-
ную матицу, старательно, стали вздвигать ее по покатам на
верх стопы сруба. По оплошности, и недогляду старшого, (у
комля было меньше мужиков чем у вершинки) матица съез-
лызнула: стерпимо ушибла Алёшу, помогающего плотникам
в подъеме балки.

– Ну ни к добру! – высказала вслух замечание, бабушка
Дуня наблюдающая со стороны за подъемом матицы.

– А какая стройка обходится чисто-гладко? Кого-нибудь,
да пришибет. – сдержанно улыбаясь, отозвался старшой ар-
тели Иван Потёмкин.

– Нет, без дубинушки видимо не обойтись! – проговорил
Пётр. Запели дубинушку и дело пошло как по маслу.

– Ну хозяин, готовь размойку, тащи вино: матицу вволок-
ли! Лежит на месте! Дом почти готов!

– Готов, а жить пока в нем нельзя! – не без довольства
отозвался Федор. – Ну так что, за вином дело не встанет!
Вот и самогонка готова! Хозяйка! Давай закуску! – крикнул,
раздобывшийся Федор, тащи из мазанки, за горлышко, чет-
вертную бутыль.

– А ты Федяшк, не больно, расщедривайся, выказал всю малину! – упрекнула Федора мать, бабушка Дуня, видя, как он ставит на стол четверть и тарелку с огурцами и хлебом на закуску.

Анна, хозяйка новостроящегося дома, не стерпела, чтоб не похвалиться стройкой соседям. Придя к Савельевым, которые всей семьей сидели за столом и обедали.

– А мы кое-как пообедали и снова за дело взялись! – жеманно подкатив глаза под лоб, сообщила Анна. – С этой стройкой, делов у нас разродилось конца – краю не видно. Всей семьей высуня язык работаем, никуда не отлучаемся, круг дому находиться приходится. Всю силушку уложили в новый дом. Даже голова кругом идет. Замаялись! Все жилы из нас вымотал, всю стройку на своих плечах вынесли! – ужимисто начитывала Анна соседям о трудностях стройки. А между прочим, она как хозяйка стройки принимала участие в ней только разве, тем, что своевременно подбирала щепки за плотниками, да в досужих разговорах, информировала посторонних баб о ходе стройки.

– Новый-то дом нам в копеечку обошелся! Все денежные запасы иссякли, пополнить неоткуда. Средств нету – дыру заткнуть нету! Мы уж, дже, железо с дворной крыши продать хотим. После завтра жестянщики раскрывать придут.

– А вы как без дворной-то крыши будете? – спросил Анну Любовь Михайловна.

– Придется соломой покрыть: – ответила та. – Все-бы ни-

чего, да Федор, поднимая бревно спольскознулся, упал – хвостец зашиб, – с тревогой объявила Анна.

– Это он еще дешёво отделался! Могло бы бревном-то и придавить, – сочувственно заметил Василий.

– Како дешево! Лежит! Жар во в сем теле. Я боюсь, как бы антонов огонь не приключился, – с тревогой на душе заметила Анна.

– А ты разве не знаешь, чем антонов-то огонь лечут? – вступила в разговор бабушка Евлинья.

– А чем? – встрепенулась Анна

– Чертовым пальцем! Вот чем! – бойко ответила бабушка.

– И правда! – повеселевшая Анна.

Возка навоза. Дождь и ураган

Отпыхали весенний зори, отпели в урёмах соловьи, откуковали кукушки. Наступило лето... Под знойным солнцем, в бездождии томилась земля. Поля покрывшиеся зазеленелыми всходами нуждалась во влаге, земля просила пить. Мужики начинали горевать.

– Эх-бы дождичка сейчас, в поле всходы дружные, а влаги в земле маловато! – с тревогой в голосе высказался Иван Федотов Шабру Василию Савельевичу, затягивая телегу во двор.

– Дабы, надо дождя-то! Наше село как- будто в яме какой. Кругом дожди залили, а у нас никак не соберется! – отозвался Василий Ефимович. – Эх, бают, на Ваду вчера и силен был! А у нас не соберется.

– Смелости не наберется, роду ему нет, – полушутливо заметил Иван. – Вроде и небо-то, иногда, захмурится, а дождя нет и нет!

– Помолобствовать бы надо, а то совсем сбасурманились, вот господь и не дает нам благодати своей, за наши прогрешения! – набожно высказался Василий Ефимович.

Свободные от работы люди и благочестивые старушки, с уговору, сходили в Пустынь принесли оттуда явленную икону «Успение». В селе объявили молебствие. Вечером в церкви шла служба с молебном и чтением акафиста. Благочести-

вый, набожный народ, наполнил помещение церкви до отказа. Ребятишки, резвясь бегали в церковной загороди. Вокруг колокольни, с азартным тизиканьем кружливо летали стрижи. В вечерней тени от деревьев, на траве появилась изумрудная роса. Служба шла до самой ночи. А утром с крестным ходом, с иконами и хоругвями, народ с песнопением, ходил в поле к колодезю, отслужили молебен о ниспослании дождя, сходили «на межу», обошли вокруг села...

В поле по пыльному гону шёл вихрь. Взбудораженные коловертью пыль и щепки поднявшись в высь, мрачным столбом двигались к селу. В селе вихрем подняло вверх чью-то сушившуюся на солнышке шерсть, ее разметало, раскидало по сторонам и не соберешь! Мужики готовя землю к озимому севу, обновоживали ее. Навоз из дворов и конюшен вывозили в поле, на свои загоны, сваливая его в небольшие кучки. Навоз возили ни только мужики, но и ребята и даже девки. Принято у молодежи, в виде любезности кидаться навозом. Панька Крестьянников везя воз навоза, в поле. Набрав в руки шматок мокрого навоза, залепил в лицо Дуньке, возвращающейся из поля с пустой телегой. Дунька вместо того чтобы разобидеться хлыстнула свою лошадь и погнала во весь дух, гремя тележьими досками.

В поле слышался азартный пересвист перепелок и дробная их песенке «подь-полоть». В повлажневшем воздухе чувствовался признак преддождя. Ласточки снизившись с высоты, летали вдоль самой земли. На западной стороне неба, за-

родилось синеватое облачко, оно на глазах, возростало, увеличивалось и медленно шло на восток. Оттуда же, с запада, разгоняя жару, потянуло влажноватым ветерком. На окрестность села, медленно надвигалась сине-багровая туча! Изредка ее полосовала блестящая молния, отдаленно, угрожающе громыхали раскаты грома.

– Ветерок-то повернул с запада, и сразу дождя надуло! – проговорил Федор Крестьяников, наблюдая как галка-хищница, сидя на березе, сторожливо выжидает когда глупый скворчонок высунется из скворечника, чтоб его схватить.

– Не плохо бы дождичка-то! – отозвался дед, отец Федора, – А то все растение по влаге стосковалось, листочки блекнуть стали.

– Возможно Бог и даст нам, дождичка-то!

– Да нам не за что! – вступила в разговор бабушку Дуня. – Все обасурманились начисто! Бога не чтут, старших не почитают!

– А гром-то все же погромыхивает! – с усмешкой заметил Алеша, – Значит дождь-то все-же будет! – вонзая навозные вилы в землю проговорил он. От надвигающегося ветра листья на ветках и березах трепетно зашевелились, затрепыхались, шумливо зашелестели. Разглявшийся над озером ветер, взволновал воду. Волны торопливо бежали к берегу с громким плюсканьем целовали мостки. Озеро взъерошилось, набивая пузыристую пену. Взбудораженные ветром и волнами лопухи желтой кубышки, на поверхности воды,

встали торчмя. Надвинувшаяся на село грозовая туча, расползлась во все стороны и покрыла всю окрестность. Гром, неторопливо и несмело зашевелился над повисшей над селом, тучей, в полголоса поворчав, внезапно замолк. А вскоре, как-бы натерпевшись, гром с треском и скрежетом яростно хлопыстнул над селом; вслед ярко блеснувшей, розоватой, молнии. По крышам забарабанили, как брошенный горох, первые крупные капли дождя. Свободную от лопухов, поверхность озера зарябило от множества фонтанчиков, по форме похожих на сучьи соски. Дождь сопровождающийся сильной бурей застал Ваньку Савельева в поле. Он уехал с очередном возом навоза. До нахлынувшего дождя Ванька едва успел сбросить с телеги навоз.

Разбушевавшийся, как с цепи сорвавшийся ветер, превратившись в бурю, хлопыстал на Ваньку целые потоки дождевой воды. Рубаху промочило насквозь, за шиворот потекли, холодные струйки воды, ладони покрылись рубцом, по всему телу побежала дрожь, зубы не повинуясь выбивали безудержную дробь. С мокрого лошадиного хвоста, струйками стекала грязная вода. Ямки от копыт тут же заполнялись водой. Ванька с яростью ударил серого вожжой – Серый бросился в галоп. Одновременно хрястнул гром, остервенело рванула буря. У стоявшей около соснового болота Егоровой мельницы, бурей с хрестом сломало крыло, отбросив его в воду болота. От порывисто бушевавшей бури, где-то в щелях и в проемах мельницы жалобно засвистело, застонало.

Непрерывистая молния и громыхающие удары грома: невидимая небесная колесница с треском и грохотом разъезжала по небесному своду, катилась по уклону спеша к горизонту. И вся эта, внезапно, нахлынувшая напасть страшила Ваньку; испугавшись разверзнувшейся стихии, он вцепившись в грядки телеги еле держась от буйного скака Серого и от бойкой дороги, тайно про себя шептал молитву. От содрогания, навозная доска свалилась с телеги, упершись концом в землю и мельничным крылом перевернувшись в воздухе ударила Ваньку по голове, пришлось остановиться. А дождик хлещет! Въехав во двор, Ванька сдал лошадь встретившему его отцу, а сам поспешил в избу отогреться и сменить рубаху. В верхней избе Савельевых семья вся в сборе. От разбушевавшейся стихии, проливного дождя захмурившего все вокруг, в избе сумрачно. От шума дождя и грозно громыхающего грома тоскливо и боязно. Бабушка приказала Саньке зажечь лампадку. Со двора, в избу вошел и Василий Ефимович, с нажимом прихлопнув за собой дверь. Мгновенно ярко-розово блеснула молния, в такт прихлопа двери сухо хряснул гром. В окнах задрезбужали стекла, содрогнулась изба.

– Свят, свят, свят Господь Саваоф, – испуганно заговорила спасательную молитву бабушка Евлинья. Вслед бабушке пугливо закрестились и остальные.

– Надо заслонку закрыть, а то молния в трубу ударит, – тревожно, забеспокоилась Любовь Михайловна, плотно при-

крывая печную трубу чугунной заслонкой. А на улице идет полное светопреставление: дождь шумливо гудит тесовые и железные крыши построек, порывисто хлещет в стекла окон, молния то и знай сверкая блестит, на мгновенье освещая внутренность избы. Гром оглушительно и гневно кромсает воздух, грозно содрогая землю.

А буря переродившись в ураган, свирепствуя, невидимой разрушительной рукой, безжалостно и остервенело срывает кусты с деревьев, с крыш солому, доски и листы железа; буйно неся все это по воздуху, который превратился в беспорядочную коловертъ. И разбрасывая все это по улице, огородам и садам. Где-то вверху, по куполу неба, беспрестанно прогуливался раскатистый гром, с каким-то сердитым упорством перебутыривая землю, будоражая избы, звеня оконными стеклами, как бы предупредительно грозя своими неуклонным могуществом. Из-за сплошной стены дождя и ливнем стекающей воды на окнах, на улице ничего не видно: из виду скрыты дома и деревья. Вокруг все шумело гудело, стонало. Крыши построек едва выдерживая натиск водного потока, скрипели в стропилах. Непрерывно блиставшая молния безжалостно кромсала багровую тучу, ломаной моментальной искрой пронизывала воздух, гром, не переставая будорожа содрогал землю.

– Это не просто так, а кару на нас Господь посылает! – строго высказалась перед семьей бабушка Евлинья. – Это он за наши прогрешения нас наказывает, а то и совсем может

нас с рук скинуть. Дождь перестал как-то сразу, водные потоки стали ослабевать, теряя силу. Отдельные крупные дождевые капли, гулко ударяли о железную крышу соседского дома.

– Наверно целых три часа шел дождик, – заметила Любовь Михайловна.

– Нет мам, час и пять минут! – поправил ее Санька, – я на часах заметил начало и конец дождя! – добавил нарочно наблюдающий за продолжительность дождя Санька.

После дождя все высыпали на улицу.

– Чем это пахнет? – спросила Любовь Михайловна.

– Громом! Вот чем! – ответила ей всезнающая соседка Анна. На дороге лужи пенистой мутной со щепками, воды. Бурные потоки торопливо устремились к озеру. Ребятишки с детской резвостью, по жеребьячи взбрыкивая, бегая вперегонки, ногами брызгают водой. Уровень воды в озере поднялся значительно. Воробейка наполнилась водой и бурно текла из поля, с горы из истока «Рыбаков», через проток Ивановский. Ураганом пороняло много крыш, два амбара стоявшие на берегу озера, Савельев и Терехин приподняв бросило в воду. На Слободе, с двух домов Каравайкиных и Поляковых сбросило крыши вместе с стропилами. В Кужадонихе молнией расщепало березу. У Жарковой ветлы бурей сломало большой куст и отбросило его на дорогу. Для ребятишек этот куст оказался лафой, они из него понаделывали дудок-свистков и надоедливо засвистали на улице. А изда-

ли, из-за озера все еще был слышен шум удаляющегося ливня. На фоне уходящей на восток темно-синей тучи, безмятежно летали роями ласточки, блестя своими белыми брюшками. В небе вспыхнула двойная, разноцветная горбатая радуга. А ураган-то свое разрушительное дело начал с улицы Моторы. Вырвав клочок тесовой крыши у Кулымановой избы, и уронив высокий двор Лабина Никифора, ураган разгулялся над побережьем озера, разметывая по сторонам амбары и крыши изб.

Ни с того ни с чего, нагрянет на человека-труженика стихия: все пожирающий пожар, или все разрушающий ураган, который, ка бы по-своему хозяйничает, переделывая все по-своему, неумолимо внося свои поправки в созидательный труд человека-труженика. Но как-бы не велики были убытки от урагана у некоторых хозяйств, а благодатная польза от дождя куда больше – земля получила воду, которой так томительно ждали растения, и сама земля стала мягше, крестьянину пахалось податливее и легче. После этого суматошного дождя с ураганом, снова установилась ясная погода, снова установилось ведро. Но оно длилось два дня. И снова пошли дожди, на этот раз, уже ненастные.

– Дождик-то, видимо, зарядил на всю неделю! – исправляя плуг около двора, сказал Иван Федотов Василию Ефимовичу, наблюдающему за тем, как дождевые пузыри плавают и лопаются на поверхности лужи.

– Да! Я вон смотрю дождевые пузыри по воде плавают, а

пузыристый дождь всегда к ненастью.

– На улице-то грязища, в огород не влезешь – мокрища, а в лесу, бают, непролазная мокредь.

– Только бы к сенокосу выведрилось.

– Да, не дай бог, в сенокос такая мокредь будет, все сено сгниет!

– Если в сенокос будет ненастье – обратился к церковному сторожу Трынку!

– А что?

– Бают, он ни только сторож отменный, но и звонарь искусный, своим звоном в колокола умеет дождевые тучи разгонять! – с довольной улыбкой на лице заметил Василий Ефимович.

– Эт-бы больно гоже! – отозвался на шутку Иван.

– Вон Митька Кочеврягин, видать, косу пробивает, к сенокосу готовиться! – прислушиваясь к звяканью о косу пробойником проговорил Иван.

– Еще рано с сенокосом-то! До Петрова дня, еще неделя, а он уж торопиться! – заметил Василий Ефимович.

– Да, бишь, завтра собрание, уполномоченного выбирать будет! – известил Василий Ивана.

– А что старый-то? Или отказался! – просил его Иван.

– Не знаю, видимо да! – завтра узнаем.

– А что шабер если тебя выберем ведь справишься? – с шуткой пополам и весело улыбаясь проговорил Иван.

– Ну! Что ты! Разве я справлюсь!? Ведь я совсем мало-

грамотный, а туда грамотея надо! – скромно отозвался Савельев.

Уполномоченные Савельев и Ершов

Василий Ефимович Савельев, хотя и малограмотный, но свое хозяйство ведет по-новому: рационально, экономно и порядочно. Он со знанием дела, разумно ведет свое развивающееся хозяйство; властно повелевая, деловито управляя своей семьей. И у него, по всем видам хозяйства, дело идет как по маслу: добротный, просторный дом, ухоженный благоустроенный, обширный двор, во дворе справная, сытая скотина, семья сыта и хорошо одета. В зависть некоторым мужикам имеет веялку, намереваясь приобрести и вторую. Тарантаса пока не приобрел, а хорошей, добротной крашеный телегой обзавелся. В общем-то Василий Савельев, за короткий промежуток времени, за каких-то, пять годов вышел в разряд самых передовых домохозяев села. Поэтому-то, некоторые сельские жители, а особенно мужики стали считать Василия Ефимовича, человеком достойным подражания и чести. И недаром на собрании общества, на котором решался вопрос о выборе уполномоченного, много было сказано льстивых слов в его адрес. И когда Михаил Жарков внес предложение, уполномоченным избрать Василия Ефимовича, многие мужики высказались в его поддержку.

– Он, мужик даровитый, изворотливый, сильный, здоро-

вый, деловой! Все умеет и с этим делом справиться! – Выдюжит! – выкрикивая с мест, с похвалой о Савельеве отзывались о нем собравшиеся. От похвалы и добрых слов со стороны мужиков-односельчан, в нем восторженно горела душа, торжественно ликовало сердце. Но стать уполномоченным общества, вступить в эту незнакомую для него должность ему не хотелось; он всей душой страшился этой непривычной для его должности. И сидя в среднем ряду зала избы-читальни, он недолго размышляя, перед самым голосованием встал с места и стал вежливо отговариваться от избрания его уполномоченным, мотивируя своей малограмотностью.

– Не справлюсь, я потому неграмотный я, всего полтора класса кончил, всего полторы зимы проучился! Едва расписаться умею, – честно и благородно унижал себя Василий Ефимович, всячески стараясь снять свою кандидатуру перед голосованием.

– Справиться! – настойчиво выкрикивали мужики из зала.

– Да я не знаю, какие дела надлежит, делать если быть уполномоченным, – умолительно вопрошал Василий к президиуму собрания.

– Оброк собирать и за порядком следить! – упрощенно ответил ему из-за стола Небоська.

– А вы дайте мне немножко обглядеться-то, да с семьей посоветоваться, чтобы от нее совсем не отшатнуться! – от-

говаривался Василий.

– Чего там! Голосуем и точка! Лучшей кандидатуры не найти! – настаивали мужики. Проголосовали. Избрали. Вопреки ожиданиям некоторых, избрание уполномоченного обошлось без обмывки. Василий Ефимович, считавший выпивку, в данном случае неуместной, не поставил четверти самогонки, не угостил, так что особое старание некоторых горлодеров оказались напрасными. Домой, Василий Ефимович, пришел не в особо торжественном расположении духа; он не был доволен тем, что ему мужики оказали, столь большое доверие, избрав его уполномоченным – представителем власти на селе. Он душевно не мог переносить лютое насилие над народом, а тут хотя и невольно сам оказался, исполнителем этой неволи. Семья же, назначение в сельские начальники главы хозяйства и отца семейства, приняла одобрительно, ведь как-никак отец займет столь большой вес в селе – это большое дело. А Сам же, Василий Ефимович, это назначение принял с большим переживанием, и тревогой в душе. Он туманно себе представлял о тех делах, которые он должен исполнять будучи в должности представителя власти на селе. Больше всего его пугала своя малограмотность и неумение «казенно» разговаривать с народом. Поэтому-то он, с момента избрания подумывал как-бы избавиться от этой должности. И ночью и днем из головы у него не выходила терзающая его мысль, как бы поскорее избавиться от подневольной обузы и склоки. Ему сразу же не

понравилась частые вызовы в сельский совет за получением очередного указания, по вопросам касающимся управления обществом вверенного ему. Как-то в дом к Савельевым прибежал присланный из сельсовета парень-посыльный, момент когда семья Василия Ефимовича, сидела за столом обедала.

– Дядя Василий, тебя срочно вызывают в совет! – впопыхах от бега, сбивчиво возвестил посыльный.

– Вот доем, догложу мосол и приду. Скажи председателю, что, он мол, скоро придет, явиться, – напутствовал Василий Ефимович парню, а сам в душе клял все и вся, что нарушают пребывать ему в своей воле. Не прошло и недели как наступил праздник «Петров день», а в этот день как и всегда по традиции в Чернухе – ярмарка. В этот-то день и решил Василий Ефимович, будучи на ярмарке, зайти в ВИК и там перед виковским начальством раскаяться в том, что дал согласие быть уполномоченным общества. Запрягли Серого в крашеную телегу и наложив в нее свеженакошенной, влажной вики Василий Ефимович, укатил в Чернуху на ярмарку; захватив с собой Ваньку. Распрягли лошадь у окна знакомого старика Кугарина Андрея. Отец приказал Ваньке: «Ты Вань посиди пока тут, а я стегаю в ВИК по своим неотложным делам».

– Ондрей Ондreich! – прямо с порога, обратился Василий Ефимович, к председателю ВИКа, Небоське, – освободите меня пожалуйста от этих самых, уполномоченных.

– Почему так наскоро? – удивился Небойсь.

– Да так, начальником над народом своего села, я не же-

лаю быть. Да и вообще-то, вот такие натруженные и очерст-
вевшие от плуга, косы и вил руки к карандашу не привык-
нут! Да к тому же, я не склонен быть начальником над на-
родом! Я привык только трудиться. Мое дело: вожжи, плуг,
коса, серп и топор! А уж если быть начальником и главой,
так-это только в своей семье! – убедительно высказался он
перед начальством ВИКа.

– А что касемо жалования; то у меня в хозяйстве и без
жалования большой доход. Я в своем хозяйстве и так боль-
шой добытчик.

– Но ведь ваши мужики горой стояли за твое избрание!
Я сам был на собрании-то, – пытаюсь урезонить пыл отказа,
заметил Савельеву Небойсь.

– Ну и что мужики! Их дело кого-никого выбрали и в сто-
рону, а мое дело помозгуй, поразмысли, а я неграмотный как
полено! Видать любая грамота не при мне писана!

Виковцы шутливо посмеялись, а под конец Небойсь ска-
зал Савельеву:

– Ну что-ж, раз не хочешь в начальниках быть, как хо-
чешь. Можем и освободить, невольник не богомольник! Дру-
гого выберем. Ступай!

Окрыленной таким легким освобождением Василий Ефи-
мович, птицей спорхнул с виковского крыльца. Проведя
некоторое время на торжище и закупив на ярмарке кое-что
по хозяйству и забав для ребят, Василий Ефимович, как
только завалило за полдни, с облегченной душой, возвратил-

ся из Чернухи домой. По случаю, и в честь освобождения он устроил пир, пригласив приближенных мужиков. Выпили пошутили, посмеялись над тем, что хозяин дома сего Василий Ефимович, прибыл в начальниках всего не больше недели. На столе, в верхней избе, самогон закуска и шумящий самовар к услугам гостей которые наряду с выпивкой балуются и чайком. Подвыпивший Николай Смирнов, развеселев, как и обычно стал показывать свою ловкость и ухарство. За свою виртуозность в любом деле, за его особенный склад характера и не мотовиловское обличие, Смирнова прозвали черкесом. Показывая прием казацкой рубки саблей он бахвально проговорил: «Я саблей на лету муху рассекаю!» То он брал в руки Санькину гармонь и залихвацки выигрывал на ней «коробочку», то принимался петь песни. При усердном пении, он широко разевал рот, чем выдавал свой изъян; чуть заметную косоротость. Его внимание вдруг привлек, на столе стоящий и слегка попискивающий ведерный самовар. Он сказал:

– У меня на фронте был чудо-котелок. Применив солдатскую находчивость я в нем одновременно сварил суп, кашу и вскипятил чай.

– Как же это у тебя получилось? – с недоверием заметил ему Иван Лаптев.

– А очень просто! В котелок, наполовину, я насыпал пшена, долил водой, вскипятил на костре! Вверху в котелке получился суп, внизу сварилась каша. А насчет чая еще проще:

в бутылку я налил воды, сунул ее в тот-же котелок! Вода в бутылке скипела: вот и чай готов.

Вздумалось Николаю Федоровичу, тут перед мужиками и перед бабами показать еще один аттракцион; не долго думая он вцепившись зубами в край крышки стола и схватившись рукой за подножку чуть оторвав от пола приподнял стол со всей на нем закуской и выпивкой и с самоваром вдобавок. Приподнять-то он приподнял но зубы не выдержав такой нагрузки тут же, с кровью вывалились у него изо рта. Николай, от боли и досады, ни слова не говоря, насупившись чернее грозовой тучи, выпорхнул из избы. Злобствуя на хозяина дома, что не унял его, он торопко зашагал вдоль порядка домой.

Чтобы управиться до начала сенокоса с избранием уполномоченного на второй же день в избе-читальне собрали мужиков на сход. На сходе граждане общества зашли в тупик: кого же избрать уполномоченным? После отказа Савельева никак не подберут подходящей кандидатуры. До скоро то и не сыщешь: деловые мужики отказываются, а старики отлынивают. Из толпы дымившей табаком публики, кто-то шутейно выкликнул:

– А давайте-ка выберем Николая Сергеича Ершова, и молодой и башковитый.

Заслыша такую похвалу в свой адрес, Николай, преисполнен радости, что ему предоставляется такая почесть, не замедлил встать с места и козырнув публике, горделиво про-

изнес: «Я к вашим услугам граждане односельчане! Всегда готов, пионер!» Кто со смешками, а кто всерьез принял его услужливый тон возгласа.

– Ведь не сумеешь! – резанул Николая чей-то порочащий голос из задних рядов.

– Суметь ли! Мне стоит только взяться за любое дело осилю! – бахвалился Ершов.

– На самом-то деле, справишься товарищ Ершов? – спросил его из президиума, усомнившийся Небоська.

– Да я, любого мужика за пояс заткну! Верой и правдой послужу народу! – петушась выкрикивал Николай с места, страстно желая попасть в сельские начальники.

– Послужишь без году неделю, да и откажешься! – неприятными для Николая уха, репликами строптили мужики.

– Да я же с большим удовольствием послужу вам, – задорно кипятился Николай, желая, чтобы скорее переходили к голосованию. – Вы меня, мужики допускайте не только к веслу, но и к рулю! Я ведь вам говорю от всей души, что справлюсь.

– Так что ж, если у товарища Ершова, есть горячее желание быть уполномоченным и послужить народу, а у граждан нет возражений, так давайте проголосуем! – предложил Небойсь.

– У меня к Ершову вопросик есть! – встал в передних рядах молодой мужик Иван Заикин.

– Задавай, – сказал Небойсь.

– А правда, Николай Сергеич, бабы бают, что на днях ты намеревался к Дуньке Захаровой присуседиться? – с язвительной ухмылкой, смеха ради, спросил он Ершова.

Собрание настороженно приумолкло; некоторые уткнувшись, задорно хихикали, некоторые же с затаенной усмешкой, млея ждали, что скажет Николай в свое оправдание. Николай же, с чувством стыда и совести, беспричинно ладонью погладив свою бороду, робко промолвил:

– Я конечно чувствую, откуда камешки летят в мой огород, но честно перед вами, граждане, признаюсь, что это все неправда. Это все вры! Как хошь побожусь это клевета, поклеп на мою голову. А вон, какой-то дурак, по злу дал мне, не стене у дома взял да и написал три похабных слова! Ведь дуракам закон не писан!

Несмелый смешок появившийся в передних рядах сцены, пополз к задним рядам, а достигнув мужиков задних рядов смех перерос в задорное, ядреное гоготанье: – Ха-ха-ха! Гого-го!

– Ну этот вопрос к делу не относится, и кто к кому присуседивается не наше дело, а дело их личных интересов, – с улыбкой на лице урезонил рассмеявшихся мужиков Небоська. – Женского вопроса мы здесь касаться не будем, и упрекать Ершова за это не станем, лишь бы он честно благородно использовал свои обязанности, если конечно вы его избере-те.

– Да ему ведь некогда! Он часто на охоту из села отлуча-

ется! – чей-то вредный для Ершова голос сзади.

– Вовсе не часто! Весной, да осенью, зимой иногда на волков ходить приходится ведь для вас же, для отчества стараюсь! – оправдывался Николай.

– Ну все понятно, время понапрасну вести нечего, давайте голосовать! – предложил Небоська. Проголосовали. Почти единогласно, избрали Ершова. От восторга Николай поспешно вскочил с места торопливо подошедши к печке, он сгреб из топки горсть золы и в знак поклятия перед народом, посыпая золой свою голову провозгласил:

– Торжественно клянусь перед обществом, что все дела и заботу по должности уполномоченного, буду выполнять с честью и достоинством! – собрание дружно зааплодировало, восхваляя Николаеву незаурядную выходку.

– Дайте дорогу! Позвольте протиснуться к призидиуму! – попросил он. Он блаженно торжествуя, с достоинством прошел вперед зала, к сцене, подошел к столу, властно уселся на приготовленный для его стул. Пока собрание разбирало разные, не касающиеся уполномоченного вопросы, Ершов шептал соседу по столу на ухо:

– Я только было хотел домой улизнуть, обедать, да и баба наверно меня спохватилась наверно забеспокоилась прокликает: «Где мой мужик шляется!», – а тут вон куда дело выперло: в начальники попал!

Перед самым закрытием собрания, Ершов обратился к председателю с личным вопросом.

– Хотелось мне дознаться насчет зарплаты: сколько мне жалования положите?

– Не обидим! – с улыбкой на лице коротко и неопределенно ответил председатель совета. Приступив к исполнению своих обязанностей, Ершов ежедневно раза три заглядывал в совет за получением инструктажа, да и так без дела. Он даже сосчитал сколько шагов от его дома, до помещения сельского совета: вышло 1095 шагов. Он и себя стал содержать по культурному; брился два раза в неделю.

– Эх я сегодня брился, а бритва до того тупа, что бреюсь, а с носа закапало, – жаловался он председателю Ивану Егоровичу. Для важности чина он хотел было обзавестись портфелем, и для культуры своего вида галстуком. – Но ведь бабу, на покупку этих вещей, разве скопытишь! «Чай ты не жених», – огорошила словами баба, эт грит только женихи в галстуках-то ходют, жаловался Николай председателю совета. – А кто же я? С портфелем в руках и при галстукe любая баба полюбит, особенно Дунька Захарова. Как-то раз иду, а она мне навстречу попадаетса, и кажись она мне подмигнула, я развернулся на все 180 градусов и за ней. А она мне на ухо и начала шептать, насуропливать: «Приходи, – грит, – вечером, только не с пустыми руками». Не успело стемнеть как следует, а я уже у нее в доме. Я тогда притворно брякнулся в ее постель, а она прилегла рядом. Трепеща всем телом, вплотную прижалась ко мне, буйно стала целовать меня, отвечая ей тем же, я рукой скользнул по ее пышной груди, а

там та же рука моя поползла ниже. И рука моя разъяренно до того растряслась, что запуталась в волосах не добравшись до самой прорези. Она свила ноги веревкой, зажав подол рубашки между ляшек; а они ведь у нее объемом не меньше как по пуду. Я к ней никак и не подступлюсь. Я и давай действовать нахрапом: тереблю, требушу, мурзую, стараясь положить на лопатки, а она верть всем станом и ко мне задом. Я приспособливаться, а она на бок, изогнулась коромыслом! И подступись тут! Катаемся оба по постели-то, а толку мало. Наломавшись в этой невольной гимнастике, как следует я в конец измаялся и обессилел, как замороженная лошадь дышу. Чую, а в штанах-то засырило. Я прыг с кровати-то и маскируюсь темнотой, давай домой собираться. А она едва сдерживая смех спрашивает: «Ты что?» А мне не до смеху, со зла и досады думаю: «Пропади ты пропадом вся Дунькина ..., да и вся Дунька вместе с нею!»

Так, под задорный смех председателя, разглагольствовал о своих секретах, любовных похождениях ему Николай Ершов. Став уполномоченным Николай и питаться-то стал в особицу от семьи, чтоб не снижалась упитанность лица, как наглядная вывеска начальника.

После обеда люди говорят, что полезно принять горизонтальное положение, говаривал Николай своему посетителю. Ты пожди и погоди меня, пока в желудке у меня пища переварится! И он бесцеремонно валился на кутник спать и вско-

ре засыпал. Прильнув ухом к мягкой брюховине подушки и вмяв ее головой, казалось, что он притаённо вслушивается во что-то важное исходящее из-под подголовья.

– Миколай, а Миколай, вставай вон к тебе пришли! – будила его жена. – Вот уснул! Спит как мертвый!

– А ты потормоши его, он и проснется!

– Я и так давно с ним валандуюсь и никак не добужусь.

– А ты пощекоти его.

– Только и стоит!

Услышав это, Николай сразу заговорил:

– Я ведь вовсе и не спал. Все слышал, только вставать из под теплого одеяла не хотелось!

– Глаза-то ото сна все заплыли. Вставай! – донимала жена.

Николаю, управляя обществом приходилось и кое-какие деловые бумаги сочинять, однажды он одно слово стирал резинкой и получилась дырка. Ему пришлось написать оговорку: «Дырку за дверку не считать, а написанному вокруг дырки верить», и подписался «Уполномоченный Николай Ершов». Поэтому поводу председатель сделал ему замечание. «Учёного учить, хуже мертвого лечить!» – самодовольно отговорился от него Николай. Своим упорным непокорством председателю сельского совета Ершов быстро подмочил свою репутацию и не успел он отпраздновать местное пребывание на должности, как попросили его освободить место.